

Я помню его
таким...

ПЛЕННИК МОРЯ

ВСТРЕЧИ С АЙВАЗОВСКИМ

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

Я помню его таким...

Николай Кузьмин

**Пленник моря. Встречи
с Айвазовским**

«Алгоритм»

УДК 75.071.1 Айвазовский И.
ББК 85.143(2)1-8

Кузьмин Н. Н.

Пленник моря. Встречи с Айвазовским / Н. Н. Кузьмин —
«Алгоритм», — (Я помню его таким...)

ISBN 978-5-906914-41-5

«Я никогда не утомлюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу... Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать, 82 года заставляют меня спешить». И. Айвазовский
Желание увидеть картины этого художника и по сей день заставляет людей часами простаивать в очереди на выставки его работ. Морские пейзажи Айвазовского известны всему миру, но как они создавались? Что творилось в мастерской художника? Из чего складывалась повседневная жизнь легендарного мариниста? Обо всем этом вам расскажет книга воспоминаний друга и первого биографа И. Айвазовского.

УДК 75.071.1 Айвазовский И.
ББК 85.143(2)1-8

ISBN 978-5-906914-41-5

© Кузьмин Н. Н.
© Алгоритм

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	23
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	35
Глава VIII	39
Глава IX	42
Глава X	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Кузьмин

«Пленник моря. Встречи с Айвазовским»

«Природа вечно стремится к обновлению, в то же время неизменна, как вечность. В этом отношении искусство подобно природе. Пусть каждый век приносит новые нравы, новые одежды, новые мысли, но гений неизменен, как сама красота».

«Пусть молодые руки, полные жизни и сил, примут с почтением священный святой светоч из дрожащих рук старцев; пусть они защищают его от порывов ветра, пусть чтут эту божественную искру, которая пролетит сквозь будущие века, как она пролетела век минувший. К работе! К работе! Жизнь коротка!»

Альфред де Мюссе. Драма «Андреа дель Сарто».

«Я никогда не утомлюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу... Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать, 82 года заставляют меня спешить».

И. Айвазовский (из частного письма 1899 года)

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Глава I

Рассказы и воспоминания Айвазовского. Восточное происхождение художника. Любовь к родине и страсть к путешествиям. А. С. Суворин¹. Интересное семейное предание о спасении русскими на войне младенца – отца Айвазовского. Фамилия Айвазовских. Детство художника. Проблески гения. Приезд А. И. Казначеева². Н. Ф. Нарышкина и кн. П. М. Волконский³. Белые ночи. В доме графа А. А. Суворова⁴ -Рымникского князя Итальянского. Посещения В. А. Жуковского и «дедушки» И. А. Крылова. Воспоминания о творце «Помпеи» К. П. Брюллове⁵. В кружке «братии». М. И. Глинка⁶, Айвазовский и «Руслан и Людмила». Н. В. Кукольник.⁷

Широкая популярность Ивана Константиновича Айвазовского и недавняя кончина великого по своему славному историческому прошлому и знаменитого художника, привлекающая к себе в настоящее время внимание и сочувствие общества, – таковы обстоятельства, побудившие нас предложить читателям некоторые воспоминания из жизни покойного художника, наиболее любимые им и ценные по своему важному значению. Нашу задачу составляет лишь воспроизведение переданных им частью в переписке с нами, частью в рассказах и словесных воспоминаниях при встречах с нами в Крыму и Петербурге и записанных нами рассказов покойного художника о своих славных друзьях и современниках, с которыми ему приходилось сталкиваться, и некоторых важных по своему историческому интересу событиях жизни, о которых на склоне лет маститый старец с любовью и живостью часто имел обыкновение вспоминать в своих увлекательных беседах и письмах.

Имея в виду со временем воссоздать для русской публики образ незабвенного по значению его для России художника, мы не будем вдаваться теперь во всестороннюю подробную оценку почтенной его деятельности и заслуг: подведение конечных итогов – дело истории и будущих биографов проф. И. К. Айвазовского. (Большинство биографов Айвазовского ограничивались обыкновенно почти одними выдержками и извлечениями из академического формулярного списка его из издания Ф. Булгакова «Наши художники» и каталогов главнейших его картин.)

Личное знакомство с нашим знаменитым художником дало нам возможность составить предлагаемые воспоминания по собственным устным рассказам самого И. К. Айвазовского и по его письмам. При составлении их, для проверки некоторых важных исторических фактов и событий его жизни, не были обойдены нами, само собой разумеется, и печатные материалы, рассеянные в наших статьях за прежние годы.

¹ Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

² Александр Иванович Казначеев (1788–1880) – сенатор, действительный тайный советник, в 1829–37 гг. глава Таврической губернии.

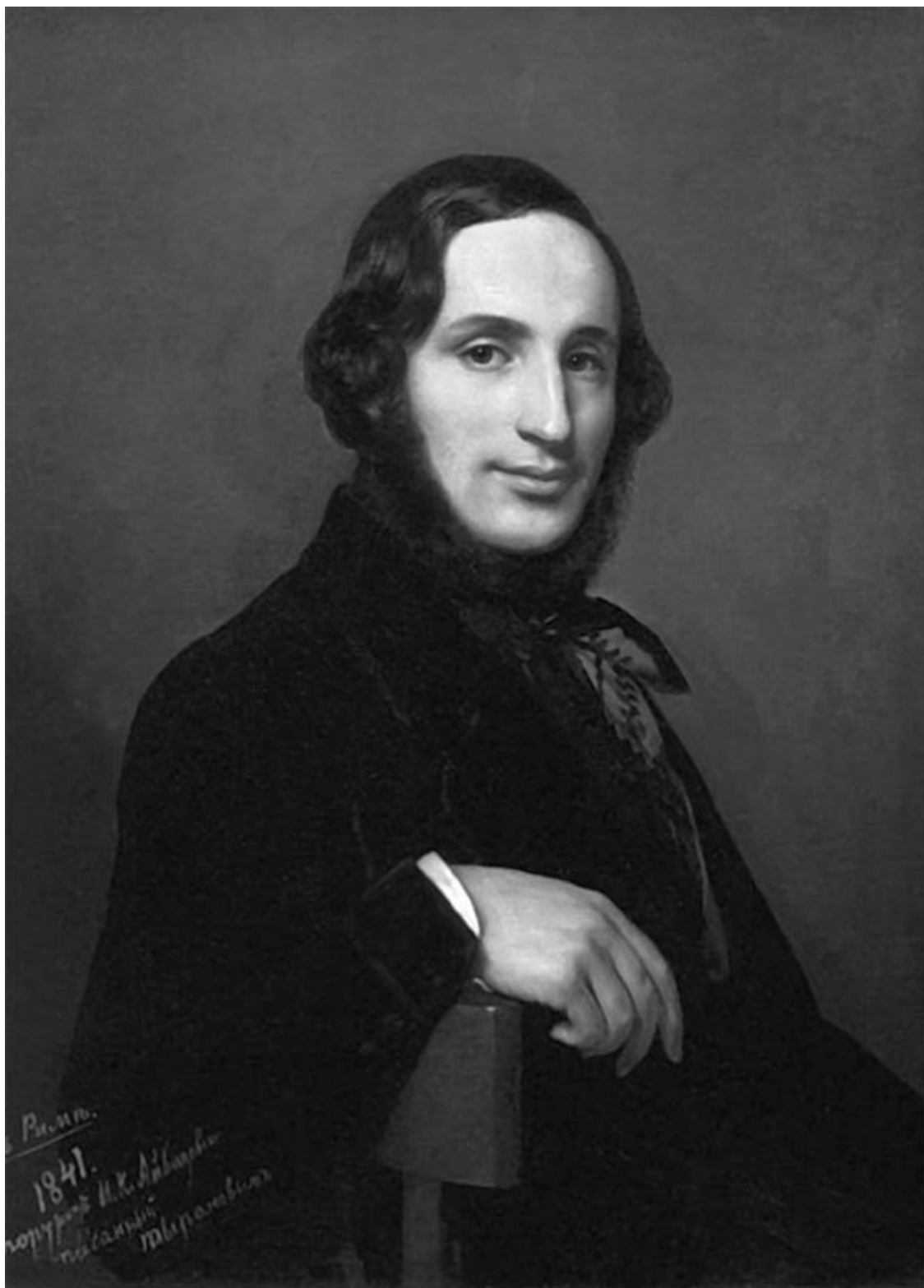
³ Светлейший князь Петр Михайлович Волконский (1776–1852) – русский военный и придворный деятель из рода Волконских, генерал-фельдмаршал (1843), министр императорского двора и уделов (1826–1852), владелец усадьбы Суханово.

⁴ Светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882) – русский государственный, общественный и военный деятель, генерал от инфантерии.

⁵ Карл Павлович Брюллов (1799–1852) – русский художник, живописец, монументалист, акварелист, представитель академизма.

⁶ Михаил Иванович Глинка (1804–1857) – русский композитор.

⁷ Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868) – русский прозаик, поэт, переводчик и драматург первой половины XIX века, автор текстов популярных романсов.

«Портрет И. К. Айвазовского». Художник Алексей Васильевич Тыранов. 1841 г.

Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) – русский художник-маринист, баталист, коллекционер, меценат. Живописец Главного Морского штаба, академик и почетный член Императорской Академии художеств, почетный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте

Жизнь Айвазовского представляется нам настоящей волшебной сказкой, богатой событиями, почти неизвестными многим, другими забытыми, и прекрасной, как чудный, плени-

тельный сказочный сон. Его гений – это та могущественная, волшебная фея, которая чудесно сплетала узоры его жизни, располагая их как можно лучше, разумнее и счастливее и вдохновляя его, вливая в него вместе с любимой им южной природой морей и силу, и бодрость, и вечно молодую, кипящую энергию. Как известно, мать нашего поэта В. А. Жуковского была пленная турчанка, принявшая потом христианство, а другой наш знаменитый поэт – А. С. Пушкин, о предках которого по случаю 100-летнего юбилея его еще так недавно вспоминали в обширных статьях, вычисляя всю его родословную, был родным правнуком африканца – арапа Петра Великого Ибрагима, привезенного в Константинополь, а оттуда в Париж. Сам поэт даже гордился своим происхождением, нисколько не скрывая его.

И в жилах Айвазовского текла турецкая кровь, хотя его принято было у нас почему-то считать до сих пор кровным армянином, вероятно, вследствие постоянных симпатий его к несчастным армянам, усилившихся после анатолийской и константинопольской резни, насилий и грабежей, приводивших всех в ужас, достигших своего апогея, заставлявших его негласно широкою рукой благотворить угнетаемым и громко возмущаться бездействием Европы, не желавшей вмешиваться в эту резню. Со свойственным ему всегдашним увлечением и пылом Иван Константинович находил, что «Новое Время» тоже довольно холодно и индифферентно относится ко всем этим ужасам и, по его словам, в ту пору это служило предметом разногласий и оживленных споров между ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным, с которым он часто встречался в Феодосии и Петербурге.

В Суворине он признавал необыкновенную даровитость и много раз говорил о том влиянии, какое приобрела его газета в административных сферах благодаря его таланту и вынужденному порой оппортунизму. Здесь мы встречаемся с редким примером гениального человека, отмеченным еще Ф. М. Достоевским, умением совмещать в своей душе любовь не только к родине, но и к чужим, близким его сердцу, предметам, которые становятся предметом его дум и забот.

Замечательно, что Иван Константинович не только обладал способностью горячо любить людей, заменивших ему родных и способствовавших выбиться на дорогу но вообще привязывался к людям и месту; хотя провел всю жизнь в странствиях, но и к своей второй родине, и к родному городу он чувствовал страсть не меньшую, чем к искусству. Среди русских по происхождению даже художников трудно было бы отыскать подходящий пример любви и самоотверженной готовности прийти на помощь нуждающимся и работать на благо России и своего родного города, какой проявлял в течение бесконечно долгого ряда лет профессор И. К. Айвазовский. Но кругозор его наблюдений не ограничивался одним городом или местностью.

В данном случае нашего художника, объездившего весь свет и постоянно путешествовавшего, вполне правильно можно сравнить с перелетной птицей, ищущей себе приволья то в одной, то в другой стороне. Всю жизнь провести в путешествиях, не покидая до смерти маленькой Феодосии, – не правда ли, редкое явление! Сень густо разросшихся лавров и кипарисов в родной стране на берегу Черного моря, приютившая на вечные времена художника, при жизни его, как мы знаем, часто служила лишь местом кратковременного отдыха. Но он не находил здесь для себя праздного покоя и, как птица могучим взмахом своих крыльев, как орел, гордый и недостижимый в своем полете, подымался с насиженного места и парил в неведомом чуждом пространстве.

О своем происхождении сам И. К. Айвазовский вспоминал однажды, в кругу своей семьи, следующее интересное и вполне, стало быть, достоверное предание. Приведенный здесь рассказ первоначально записан с его слов и хранится в семейных архивах художника.

«Я родился в городе Феодосии в 1817 году, но настоящая родина моих близких предков, моего отца была далеко не здесь, не в России. Кто бы мог подумать, что война, этот

бич всеистребляющий, послужила к тому, что жизнь моя сохранилась и что я увидел свет и родился именно на берегу любимого мною Черного моря. А между тем это было так. В 1770 году русская армия, предводительствуемая Румянцевым, осадила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, вникая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возраста.

В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин!» Благородная ложь послужила во спасенье, и ребенок был пощажен. Ребенок этот был отец мой. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестив его под именем Константина, и дал ему фамилию Гайвазовский, от слова „гайзов“, что на турецком языке означает „секретарь“.

Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился, наконец, в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке, и занялся первое время удачно торговыми операциями».

Айвазовские еще в прошлом столетии переселились из Турции в Галицию, где поныне близ гор. Львова сохранились их родичи, землевладельцы Айвазовские, переименовавшиеся, так же как и они, свою фамилию.

Детство художника протекало в маленькой, убогой по своей обстановке и бедности квартирке. Отец Айвазовского был разорившимся армянским негоциантом, поддерживавшим семейство хождением по тяжёлым делам и незначительной мелкой торговлей, так как с переселением из Галиции и Молдавии в Крым он лишился здесь своего состояния вследствие чумы, свирепствовавшей в городе Феодосии в 1812 году. Но в то время, как с раннего детства И. К. Айвазовский привыкал к широкому, безбрежному раздолью южного моря, а слух его – к немолчному шуму и плеску пенящихся волн, «за много лет назад, из тихой сени рая сошла в наш мир» эта волшебная фея, которая стала напевать ему свои чудные песни. То был гений Ивана Константиновича, проявившийся с малых лет, по словам самого художника, ярко еще в пору раннего детства, когда он впервые почувствовал в себе искру художнического творчества. И вот явился он, этот редкий у нас на земле гость.

Он нес с собой неведомые чувства,
Гармонию небес и преданность мечте,
И был закон его – искусство для искусства,
И был завет его – служенье красоте.

Ребенком 10–12 лет наш будущий Ломоносов XIX века, по блеску достигнутых им трудом и талантом успехов, Айвазовский самоучкой играл, и довольно недурно, по отзыву А. И. Казначеева, на скрипке и усердно занимался рисованием. Неуверенной детской рукой начал он карандашом первые работы и нарисовал в 1829 году, 12-летним ребенком, ряд морских картинок, портретов военных героев Греции и сцен из восстания Греции, а также срисовывал виды турецких крепостей, прославленных подвигами русского оружия. Не довольствуясь этими рисунками, развешанными в квартире отца (отец его имел в ту пору еще обветшалый, полуразвалившийся домик на краю города Феодосии; я осматривал вместе с Иваном Константиновичем этот скромный дом вблизи старой Генуэзской слободки), он рисует на наружных стенах отцовского дома, и эти рисунки, изображающие военные типы, заставляют останавливаться толпами прохожих, простодушно дивившихся таланту мальчика-художника.

И местный современник А. С. Пушкина, в ту пору градоправитель Феодосии А. И. Казначеев, привлеченный игрою мальчика-художника на скрипке и его рисунками, приезжает

сам посмотреть на него, как на чудо, призывает его к себе и вместе с учителем рисования, архитектором Кохом, принимает живое участие в судьбе будущей знаменитости.

Иван Константинович любил до конца жизни в длинных рассказах вспоминать А. И. Казначеева, говоря, что он «многим ему обязан и сохраняет о нем самое сердечное воспоминание».

Через 12 лет, по отъезде своем из родины, находясь за границей, в Италии, и движимый благородным порывом признательного сердца, он, как сам нам рассказывал, пишет на память для Казначеева картину, изображающую его первую встречу с А. И. на берегу моря, когда он получил от него привезенный с собою «лучший в жизни и памятный подарок – ящик водяных красок и целую стопу рисовальной бумаги».

Находясь в Петербурге, уже в Академии художеств, в которую вследствие просьбы знакомых А. И. Казначеева – Н. Ф. Нарышкиной и кн. П. М. Волконского, показавших его рисунки императору Николаю Павловичу (на них нарисованы были пером группа евреев, молящихся в синагоге, и морские виды, как говорил художник), – он был вытребован и зачислен в 1833 году, он ведет переписку со своим покровителем и заводит здесь новые знакомства, имевшие впоследствии на него большое влияние.

И. К. Айвазовский, с удовольствием останавливавшийся всегда на рассказах об этой эпохе, говорил нам, что особенно поразительное впечатление производили на него, после роскошного юга, в убогой нашей северной природе с ее бледным небосклоном – белые ночи.

В эти задумчивые, светлые, прозрачные летние ночи, воспетые Пушкиным, по словам Ивана Константиновича, ему нередко приходилось возвращаться из дома светлейшего гр. Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского князя Итальянского, у которого он проводил все воскресные и праздничные дни и который всегда относился к нему с самым радушным, теплым участием. С семейством сестры Суворова, Варвары Аркадьевны Башмаковой (рожденной княжны Итальянской, графини Суворовой-Рымникской), хорошей знакомой семьи Таврического губернатора А. И. Казначеева, Айвазовский на лошадях прибыл, как рассказывал нам, из Симферополя в Петербург.

О назначении его стипендиатом в академию он был уведомлен частным образом письмом гр. Суворова в конце августа 1833 г. Знаменитый поэт наш Василий Андреевич Жуковский в 1835 г. посетил скромную квартирку нашего художника в академии и одним из первых по приезде его в Петербург горячо приветствовал его талант и утешал его, в то время как он с трепетом и волнением ждал решения своей участи вследствие известной истории наветов по поводу непослушания его царской воле и приказаниям профессора академии Таннера, завидовавшего успехам Айвазовского.

С жаром написанная картина его «Этюд воздуха над морем» появилась вопреки заданному летом 1835 г. учителем его работам из северной природы, которые он не пожелал выполнить, сказавшись больным, чем Таннер был несказанно раздосадован. (По повелению императора Николая I картина тогда скоро была снята с выставки. Распоряжение об этом передал приехавший от имени государя флигель-адъютант.)

А. Н. Оленин, желая содействовать успехам юного мариниста, сам подал ему, по словам Ивана Константиновича, мысль написать эту картину к осенней выставке. Картина вызвала вскоре в академических залах сенсацию, привлекала в ту пору уже толпы публики, и Айвазовский получил за нее впоследствии первую серебряную медаль, присужденную приговором общей конференции Академии художеств.

Добрый от природы и сострадательный В. А. Жуковский, долго беседуя с Айвазовским, убеждал его не унывать, не волноваться, не падать духом и по-прежнему ревностно заниматься живописью. Вскоре после «певца Светланы» и наш «дедушка-баснописец» Иван Андреевич Крылов приехал в академию и также пожелал видеть, как впоследствии А. С. Пушкин, юного художника-поэта.

«Этюд воздуха над морем». 1835 г. Одна из первых картин И. К. Айвазовского

Это было в том же 1835 году. Наш незабвенный баснописец, пленившийся появившейся на выставке творческой картиной ученика академии И. К. Айвазовского, высказал ему по этому поводу свой восторг и удивление перед яркими проблесками сказавшегося в ней таланта и принес первые слова утешения и одобрения, скоро донесшиеся до него и с высоты престола. При появлении «дедушки Крылова» ученики академии, товарищи Ивана Константиновича, вбежали шумной гурьбой к нему в комнату и передали желание Крылова увидеть его. Айвазовский, опечаленный, грустный, вышел, и маститый «дедушка», приподнявшись со своего места навстречу, ласково подзвал его к себе, завел с ним беседу.

– Поди, поди ко мне, милый, не бойся! Я видел картину твою – прелесть как она хороша. Морские волны запали мне в душу и принесли к тебе, славный мой, – произнес Крылов добродушным всегдашним своим голосом. Поцеловав молодого человека, своим замечательным, счастливым сходством так близко напоминавшим ему, как и всем, начиная с высокого покровителя его императора Николая I, великого Пушкина, – продолжал, обняв, утешать опечаленного художника:

– Что, братец, француз обижает? Э-эх, какой же он... Ну, Бог с ним! Не горюй!..

По словам художника, И. А. Крылов более часа провел в беседе с ним и, уезжая, уговаривал его не переставать с такой же любовью предаваться художественным занятиям и творчеству и так же любить природу.

Участие Жуковского и Крылова, встречавших не раз после того Айвазовского у Оленина и Брюллова, несколько облегчило тяжкие волнения и гнет, лежавшие на сердце его, а

новый 1836 год рассеял его опасения на дальнейший гнев царя, успокоившийся благодаря ходатайству о нем благородного проф. А. И. Зауервейда.⁸

Передавая нам об этом, маститый художник с большим чувством восторга говорил, что он «никогда не забудет этого 1836 года». Знаменитый творец «Последнего дня Помпеи» Карл Павлович Брюллов, тогда один из первых профессоров академии, питавших к нему живейшее сочувствие, как и Зауервейд, приблизил его к себе и, чуждый зависти и напыщенности, ввел его в этом году в кружок «братии», славными корифеями, завсегдатаями которой были, по словам Ивана Константиновича, наш композитор М. И. Глинка, знаменитый исторический романист Н. В. Кукольник и его брат Платон, поэт В. А. Жуковский, «неистовый балагур» Я. Ф. Яненко⁹ и другие.

Кукольник издавал в то время свою «Художественную газету» и скоро напечатал в ней статью, полную восторженных похвал И. К. Айвазовскому, которую закончил знаменательными словами: «Ни слово, ни музыка – одна кисть Айвазовского способна изобразить верно страсти, так сказать, морские. Произведения его поражают, бросаются в глаза своими эффектами. Его земля, небо, фигуры доказывают, чем он быть может и должен. Скоро не одни глаза разбегутся, но призадумается и душа внутри зрителя. Дай нам, Господи, многие лета, да узрим исполнение наших надежд, которыми, не обинуясь, делимся с читателями!»

Предсказание и пророчество Кукольника не замедлило сбыться. За свои картины Айвазовский вскоре получил первую золотую медаль. Картины его были куплены для академии императором Николаем I за 3000 руб. асс., и отъезд в чужие края, по желанию царя, ускорен на 2 года.

Во время собраний у Брюллова, в веселом кружке талантливой «братии» незаметно летели часы для радушно здесь принятого художника. «Братия» посвящала новичка во все тайны любимого ими искусства. Сам хозяин Брюллов, в пестром художественном своем широком зеленом халате, вел остроумные и интересные беседы о живописи и ее истории. Глинка очаровывал присутствующих здесь игрой на фортепиано и пением (у него был, по словам И. К. Айвазовского, чудный голос). Платон Кукольник и Айвазовский играли на скрипке, «Летописец Нестор» проповедовал об искусстве, импровизировал свои экспромты-стихи, Чернышев (Федор Сергеевич) читал свою нашумевшую тогда в обществе «Солдатскую сказку», а Жуковский – свои «пленительные» стихи. И. К. играл на скрипке особенным манером, на татарский образец, поставив ее стоймя против себя и извлекая из нее заунывные и порою веселые плясовые восточные песни.

Айвазовский посещал также и М. И. Глинку, и Кукольника, у которых иногда собирались друзья.

Вот что пишет вдохновленный ими М. И. Глинка в своих «Записках»: «Гайвазовский, посещавший весьма часто Кукольника, сообщил мне три татарских мотива; впоследствии два из них я употребил для лезгинки, а третий для *andante* сцены „Ратмира“ в 3-м акте оперы „Руслан и Людмила“».

Таким образом, восточные песни, слышанные в детстве И. К. и сыгранные им по просьбе М. И. Глинки на скрипке в «кружке» приятелей, послужили поводом для создания одной из чудных сцен и танцев бессмертному творцу «Руслана», на которого имел вдохновляющее влияние И. К. Айвазовский, подтвердивший этим примером древнее мифологическое сказание, что музы – родные сестры, а представители их и жрецы искусств составляют как бы одно единодушно-идейное братство, обмениваясь своими родственными им планами и вдохновением... И. К. Айвазовский рассказывал также, что, посещая Брюллова на другой

⁸ Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) – немецкий и русский художник, профессор батальной живописи ИАХ.

⁹ Яков Феодосиевич Яненко (1800–1852) – портретный живописец, академик. Сын художника Феодосия Ивановича Яненко.

день после веселых приятельских бесед, он заставлял часто его совсем больным, с обвязанной платком головой и всегда жаловавшимся на свое здоровье, так как не мог никогда оставаться таким воздержанным от дружеских угощений, как Иван Константинович, которому все высказывали не раз свое удивление и одобрение по этому поводу.

Глава II

В «золотой» пушкинский век. Сближение с писателями и художниками. Счастливое для И. К. событие в Зимнем дворце. Плавание по Финскому заливу. Встреча Айвазовского с Пушкиным. Пушкин на выставке. Письмо И. К. Айвазовского. Семья Раевских. Пушкин и Айвазовский. Картины «Пушкин в Гурзуфе» и «Прощание с морем в Одессе». Подарок Марии Раевской Пушкину и настоящее происхождение «Талисмана». Надпись Айвазовского под присланным автору снимком с гурзуфской картины.

Один из славных представителей XIX века, профессор морской живописи И. К. Айвазовский, с самого приезда своего во дни молодости в Петербург попал, как он нам описывал, в кружок выдающихся литераторов и людей своего времени. До конца жизни в душе Айвазовского сохранялись живые воспоминания об этих лицах, ожививших молодую жизнь поэтически настроенного в то время художника и способствовавших дальнейшему расцвету его дарования.

Несомненно, что в ту пору они внесли своим влиянием и разговорами и известный элемент стремления его к творчеству и развили в нем любовь к исторической живописи позднейшего периода. Вся недавняя история России, с ее славным прошлым, и наш «золотой» пушкинский век, можно сказать, прошли на глазах у него, и вот почему интересны его воспоминания и рассказы для нас. Одним из сердечных и неизменных друзей И. К. Айвазовского, имевшим на него такое же несомненное влияние и сблизившим его с кружком литераторов, композиторов и художников, был и благороднейший профессор К. П. Брюллов, о котором еще так недавно вспоминал с горячей любовью в дни Брюлловского юбилея сам Иван Константинович.

В том же счастливом для него 1836 году снятая с выставки по наветам профессора Таннера картина Айвазовского была доставлена, по желанию императора, в Зимний дворец. Государь остался в восторге от нее и благодарил за справедливость храброго заступника молодого художника профессора Зауервейда, довольного исходом этой истории, а великая княжна Мария Николаевна, повинуясь голосу и влечению своего юного доброго сердца, поцеловала в светлый лоб своего почтенного учителя.

Подробности эти рассказывал нам И. К. Айвазовский, которого призвал и пожелал видеть сам справедливый рыцарь – император, повелевший сейчас же выдать в награду художнику 1000 рублей ассигнациями, с назначением его сопровождать великого князя Константина Николаевича, который летом тогда должен был совершить первое практическое плавание по Финскому заливу.

Плавание по Финскому заливу принесло таланту Айвазовского несомненную пользу, ознакомив его со всеми эффектами света и колоритом наших северных морей. К осенней выставке того же года было написано им 7 морских видов из этого плавания, вскоре приобретенных императором.

Сентябрьские дни 1836 года ознаменовались для Айвазовского еще встречами с Пушкиным. В конце сентября последовало открытие академической выставки, привлечшей в залы Академии художеств толпы публики.

Подобных выставок теперь не бывает. Понятны поэтому восторги толпы.

Достаточно сказать, что, кроме семи морских видов Айвазовского, по желанию императора, как передавала тихо несущаяся из уст в уста стоустая молва, повешанных рядом с бесцветными маринами Таннера,¹⁰ о которых отозвалось невыгодно большинство тогдаш-

¹⁰ Филипп Таннер (1795–1878 гг.) – французский живописец. Непревзойденный мастер морских видов. Учился живописи у О. Берне.

них критиков, появились обратившие на себя всеобщее внимание композиции Ставассера, Рамазанова, «Статуя играющего в бабки» Пименова, «Статуя играющего в свайку» Логановского, «Взятие Божией Матери на небо» Егорова; присланное из Италии полотно «Медный змий» Бруни; «Явление Христа Марии Магдалине» Иванова; портреты работы Кипренского, Плюшара, пейзажи Воробьева, Штернберга, Зауервейда и др.

А. С. Пушкин, по словам И. К. Айвазовского, восхищался при посещении этой выставки пейзажами Лебедева и его маринами, а также двумя названными нами статуями, которые произвели столь сильное впечатление на пылкое воображение нашего великого поэта, что он воспел их в наскоро набросанных на обрывке бумаги тут же, в академических залах, и скоро появившихся в «Художественной газете» Кукольника, рядом с восторженной статьей об Айвазовском, следующих антологических стихотворениях:

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, – тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать!

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Как один из «последних могикан» – из славной и незабвенной плеяды созвездий, украшавших наш небосклон еще во времена великого Пушкина, – его современник и человек по своим интересам и по стечению обстоятельств близко стоявший к его друзьям и знакомым, Иван Константинович сохранял немало воспоминаний в своей памяти о нашем знаменитом поэте, как равно и его жизни на юге. Вот как описывал он в одном из своих писем ко мне из своего загородного имения Шах-Мамай в Крыму, где знаменитый художник проводил обыкновенно каждое лето, подробности встречи своей и знакомства с А. С. Пушкиным.

«В настоящее время, – писал И. К. Айвазовский, – так много говорят о Пушкине и так немного остается в живых тех, которые знали лично великого поэта, что мне все хотелось написать вам несколько слов из своих личных воспоминаний о встрече с А. С. Пушкиным. В 1836 году, за три месяца до своей смерти, именно в сентябре, Пушкин приехал в Академию художеств с женой Натальей Николаевной, на нашу сентябрьскую выставку картин.

Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галерею, мы, ученики, побежали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женой стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею. Наш инспектор академии Крутов, который его сопровождал, искал всюду Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не оказалось нигде. Тогда, увидев меня, он взял меня за руку и представил Пушкину, как получающего тогда золотую медаль (я оканчивал в тот год академию). Пушкин очень меня ласково встретил и спросил меня, где мои картины. Я указал их. Как теперь помнится, то были „Облака с Ораниенбаумского берега моря“ и другая – „Группа чухонцев на берегу Финского залива“. Узнав, что я – крымский уроженец, Пушкин спросил: „А из какого же вы города?“ Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере...

«А. С. Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал». Художник И. К. Айвазовский. 1880 г.

«Человек, не одаренный памятью, сохраняющей впечатления живой природы, может быть отличным копировальщиком, живым фотографическим аппаратом, но истинным художником – никогда. Движения живых стихий – неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны – немыслимо с натуры. Сюжет картины слагается у меня в памяти, как сюжет стихотворения у поэта...»
(И. К. Айвазовский)

Тогда, во время нашего разговора, я его хорошо рассмотрел, и даже помню, в чем была его красавица жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая шляпа. На руках у нее были длинные белые перчатки. Мы, все ученики, проводили дорогих гостей до подъезда. Теперь я могу пересчитать по пальцам тех лиц, которые помнят поэта: их осталось очень немного, а я вдобавок был им любезно принят и приглашен к нему ласковой и любезной красавицей Натальей Николаевной, которая нашла почему-то во мне тогда сходство с портретами ее славного мужа в молодости».

«Если вы найдете, что в настоящее время эта маленькая статья может быть интересной хоть сколько-нибудь, то благоволите отдать напечатать. Сам я, признаюсь, не решаюсь этого сделать», – писал И. К. и прибавлял:

«С тех пор и без того любимый мною поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и расспросов о нем. И теперь, на склоне лет, я работаю над новым громадным полотном, сюжетом для которого служит все тот же великий вдохновитель художников. Знаю и ценю ваше всегдашнее лестное внимание к моим произведениям и ко мне вообще, весьма утешительно влияющее на душу старого художника, и я вам очень благодарен. Желаемые фотографии с пушкинских картин я вам вышлю на днях, когда будет готова с последней картины, которую теперь я уже оканчиваю.

Эта картина изображает восход солнца с вершины Ай-Петри, откуда Пушкин верхом на коне, с проводником татарин, любуется восходом только что показавшегося на горизонте солнца. Пушкин снял шляпу, приветствуя величественный солнечный восход. Картину эту рассказывал мне при встречах Н. Н. Раевский, и сюжет ее давно у меня записан где-то, но я его и так живо помню благодаря живому рассказу Раевского, очень любившего Пушкина. Картину эту думал послать в Петербург или в Москву, но теперь поздно: я не успел еще окончить ее. Какая жалость! Картина почти 3 аршина¹¹ длиною. Из Москвы меня просили прислать картину из пушкинских (в Исторический музей в Москве). Я послал им две картины: „Пушкин у Гурзуфских скал“ (иначе, чем прежде, написанную, которой вы не видели у меня в Феодосии), и другую: „Пушкин с семьей Раевских по дороге в Гурзуф из Партенита на берегу у Кучук-Ламбата“.

Помните из „Евгения Онегина“ „Море пред грозой“:

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами! —

и т. д. Этот рассказ я слышал тоже и от Раевского».

На этих словах заканчивает одно из своих писем ко мне в мае 1899 г. И. К. Айвазовский. Прибавим, что он встречал еще в том же году в Петербурге Пушкина вместе с В. А. Жуковским и разговаривал с ними на улице и что последняя картина его из жизни Пушкина выставлена была все-таки в прошлом году в Петербурге, в музее рисовальной школы барона Штиглица на картине «Семья Раевских и Пушкин». М. Н. Раевская («княгиня Волконская») изображена убегающей от настигающих ее волн, и Пушкин, в восторге, застывшей позе, любующийся ею. Картина же «Пушкин у Гурзуфских скал» представляла собою юбилейную новинку (1899 года).

¹¹ Аршин – старорусская единица измерения длины. 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

Пушкин изображен в лунную ночь на морском берегу Гурзуфа, на одной из высоких береговых прибрежных скал, в обычной задумчивой, мечтательной позе. Вдали виднеется Аю-Даг и горы. И. К. написал в разное время 8 картин из жизни Пушкина. Происхождение одной из лучших, по моему мнению, из самостоятельных картин его «Прощание Пушкина с морем» относится к началу 80-х годов, когда И. К. услышал где-то в обществе прекрасную декламацию стихотворения «К морю». Поэт представлен на ней во весь рост, в длинном сюртуке, с плащом на одной руке и шляпой и палкою в другой, которой он держится за высокую каменную стену. У ног его бушует разъяренное море, а на скале как будто высечена рельефная надпись:

Прощай свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой!..

Эти прекрасные стихи, последние написанные в изгнании Пушкиным в Одессе в 1824 году, «вечно звучали в памяти» И. К., и он любил их подписывать под своими снимками с любимой картины, даря их на память своим друзьям и знакомым. Иван Константинович Айвазовский, знакомый лично и с семьей Н. Н. Раевского, всегда утверждал, что стихотворение «Талисман» вызвано подарком Марии Раевской и написано первоначально поэтом в Крыму и никак не относится к Одессе и графине Воронцовой, за которой, по его словам, Пушкин слегка ухаживал в Одессе, как за великосветской львицей и женой начальника, но некрасивой женщиной, не в состоянии бывшей воспламенить воображение поэта. Как известно, с кольцом-«талисманом» Пушкин расстался только в день смерти, а стихотворение приписывают Воронцовой...

Прислав мне из Феодосии снимок со своей новой картины (1894 г.) «Пушкин у Гурзуфских скал», он собственноручно внизу подписал:

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы...

Целое море безумной страсти вылилось здесь у поэта.

Глава III

Подарок Айвазовского Морскому музею в 1886 г. и г. Одессе. Замечательная картина проф. И. Е. Репина и И. К. Айвазовского. И. К. в семье героев Черноморского флота. Генерал Н. Н. Раевский¹². Лазарев¹³, Корнилов¹⁴, Нахимов¹⁵ и Панфилов¹⁶. Субашская перестрелка. Подвиг И. К. Расположение к нему «императора-рыцаря». Исторические картины Черноморского флота.

В конце 1886 г. художник, спустя 35 лет со дня сопутствия в 1851 году на пароходе «Владимир» государю в плавании в Севастополь и присутствии на морских маневрах, воскресил на полотне память о погибшем Черноморском флоте, красе и гордости России, написав картину «Смотр Черноморского флота Николаем I», в которой вереница судов величественно и плавно движется на полных парусах в виду севастопольской бухты у парохода «Владимир», на котором стоит полный мужественной красоты император Николай и рядом с ним наследник цесаревич и адмиралы: Лазарев, Нахимов и Корнилов.

Все портреты, по общему признанию, были чрезвычайно схожи: видно было, что любовь к этим людям, не раз проводившим время в длинных беседах и милостивых с ним разговорах, водила рукою и кистью художника. Виднеющийся вдаль белый Севастополь, воздух, вода на холсте – и говорить нечего, написаны были с изумительным совершенством. Эта картина, выставленная в Петербурге, в залах Академии художеств, опять привлекала толпы публики и была приобретена обществом «Кавказ и Меркурий» и поднесена председателю этого общества, сенатору Жандру, принадлежащему к семье старых черноморских моряков, по случаю 25-летнего юбилея его служения в обществе.

В том же году художником принесены в дар Морскому музею портреты многих замечательных деятелей Черноморского флота, героев Севастопольской обороны, бывших близко знакомыми с ним, рисунки знаменитых кораблей, погибших в Севастопольскую войну. Рисунки собраны были им в один громадный альбом, представляющий теперь большой исторический интерес. Этот запас эскизов и рисунков и послужил ему материалом для «живой» картины «Черноморского флота...»

Оригинал картины «Прощание с морем» проф. И. К. Айвазовский подарил еще в 30-х годах городу Одессе, но копия с нее долго хранилась у него в галерее. И. К. Айвазовский очень любил ее и считал лучшей из пушкинского цикла своих картин «Пушкин в Гурзуфе при луне», где поэт представлен во время своих крымских ночных прогулок, но мне лично, как и другим, больше всего нравилась висевшая одно время в фойе для артистов Александринского театра картина его «Пушкин на берегу Черного моря», на которой фигура Пушкина изображена проф. И. Е. Репиным, и я даже как-то высказывал это И. К. в разговоре. Интересно было бы знать, неужели и теперь там находится эта картина проф. И. Е. Репина и И. К. Айвазовского? Ведь она представляет громадную ценность в национальном искусстве, и настоящее для нее место – в нашем Музее Императора Александра III или Эрмитаже, а никак не в другом месте, где ее даже не может увидеть публика.

¹² Николай Николаевич Раевский (1771–1829) – русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии (1813).

¹³ Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – русский флотоводец и мореплаватель, адмирал (1843), кавалер ордена Святого Георгия IV класса за выслугу лет (1817), командующий Черноморским флотом и первооткрыватель Антарктиды.

¹⁴ Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854) – российский военный деятель, начальник штаба Черноморского флота (1850–1854), герой Крымской войны, вице-адмирал (1852).

¹⁵ Павел Степанович Нахимов (1802–1855) – русский флотоводец, адмирал (1855).

¹⁶ Александр Иванович Панфилов (1808–1874) – русский адмирал, участник Крымской войны. Родился в феврале 1808 года в семье кораблестроителя Ивана Кузьмича Панфилова (1774–1835).

Не один великий поэт наш приветствовал вдохновенного поэта-импровизатора, почившего теперь непробудным крепким сном на берегу любимого и воспетого им «с такою чудной силой» и прославленного на вечные времена Черного моря, в близкой его сердцу, его трудами и заботами возрожденной из ничтожества к новой кипучей жизни и деятельности родной Феодосии. Лучшие выдающиеся деятели на поприще литературы, поэзии, искусства и на поле брани – герои Черноморского флота, покрывшие неувядаемой славой наши знамена, считали его в кругу своих близких знакомых или являлись его поклонниками и покровителями, влиявшими на развитие и направление его гениального и всегда самобытного творчества. Вот как возникло его стремление к воспроизведению морских батальных картин, по рассказу самого художника, служившее для него неисчерпаемым источником плодотворного вдохновения.

«Пушкин на берегу моря» («Прощай, свободная стихия...»). Художники И. К. Айвазовский и И. Е. Репин. 1887 г.

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

(А. Пушкин «К морю» 1824 г.)

Глава IV

Знакомство и путешествие с Н. В. Гоголем. Описание Гоголя в разговорах и письмах. Поездка с Гоголем во Флоренцию. В доме Торквато Тассо¹⁷. «Русская колония» в Риме с Гоголем. Знаменитый художник А. А. Иванов¹⁸. Штернберг¹⁹ и Айвазовский. Бюст И. К. работы Бернишампа в музее имп. Александра III.

При рассказах о первом приезде своем в Италию и знакомстве с Гоголем И. К. Айвазовский оживлялся и довольно часто вспоминал о Гоголе и своей дружбе с ним. «Первым городом Италии, который я посетил, – говорил и писал мне он, – была, конечно, Венеция. После скучных Берлина, Дрездена, Триеста она несказанно нравилась мне. Развенчанная царица морей, спящая непробудным сном на берегу чудесного своего залива, очаровала меня. В Венеции я и познакомился с нашим незабвенным Гоголем, проживавшим тогда здесь с покойным Николаем Петровичем Боткиным.

Впервые в жизни увидев тогда автора „Ревизора“, уже обдумывающего свои бессмертные „Мертвые души“, я скоро сдружился с ним и весьма был поражен оригинальностью нашего писателя и его странной оригинальною наружностью, прямо просившейся на полотно. Если бы я был портретистом, я бы в ту пору написал портрет с него. Низенький, сухощавый, с весьма длинным, заостренным носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки, – припоминал художник. – Гоголь выкупал эту неприглядную внешность любезностью, неистощимою веселостью и проблесками своего чудного юмора, которыми искрилась его беседа в приятельском кругу.

Появление нового незнакомого лица, подобно дождевой туче, мгновенно набрасывало тень на сияющее добротою и озаренное улыбкою лицо Гоголя: он умолкал, хмурился, как-то сокращался, как будто уходил сам в себя, как в раковину, и начинал оригинальничать. Эту странную черту характера замечали в нем все его близкие знакомые. Со мною, однако же, он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его дружескою милою беседою. Гоголь предложил мне ехать с ним, с Боткиным и Панаевым во Флоренцию, на что я, разумеется, с удовольствием согласился. Ехали мы в наемной четвероместной коляске и – каюсь в нашем общем грехе – дорогою мы играли в преферанс, подмостив экипажные подушки вместо стола. Впрочем, это прозаическое занятие не мешало нам любоваться природой и восхищаться красивыми местностями, попадавшимися по дороге.

По приезде во Флоренцию Гоголь и Айвазовский осмотрели художественные сокровища столицы Тосканы, посетили дворцы и палаццо Питти и т. д. Они проводили в этих осмотрах целые дни вместе. Здесь встретили они знаменитого русского художника Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима во Флоренцию искать вдохновения для своей знаменитой картины «Явление Мессии народу». От природы не слишком общительный, он мало говорил с ними. По словам Айвазовского, Гоголь в то время не посвящал еще ему своей чудной восторженной статьи.

Иванов рассказывал только, что приехал скопировать несколько деревьев с пейзажем Сальватора Розы, чтобы для чего-то перенести их в местность на берега Иордана. Во Флоренции И. К. Айвазовский расстался на время с Николаем Васильевичем Гоголем и, оставив его здесь, отправился на берега Неаполитанского залива, где прожил еще месяц в Неаполе вместе с молодым художником Штернбергом, а отсюда уже проехал на родину Торквато

¹⁷ Торквато Тассо (1544–1595) – итальянский поэт XVI века, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

¹⁸ Александр Андреевич Иванов (1806–1858) – русский художник, академик; создатель произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты.

¹⁹ Василий Иванович Штернберг (1818–1845) – живописец, жанрист и пейзажист.

Тассо, в Сорренто, где, по странному стечению обстоятельств, он жил в доме, принадлежавшем певцу «Освобожденного Иерусалима».

Из Сорренто они отправились в разрушенный ныне живописный городок Амальфи, где тоже прожили целый месяц, и в сентябре только он попал опять в Рим. Эти переезды ознакомили Айвазовского с колоритом и красками итальянского лазурного неба, воды и тайнами тамошней воздушной перспективы. Он работал в Италии целые дни без усталости... Эти воспоминания записаны со слов самого И. К. Айвазовского и представляют серьезный и значительный интерес для нас, как характеристика его отношения к Гоголю и некоторым знаменитым его современникам. В прошлом году я получил об этой встрече также письмо от него, которое потом было напечатано в «Новом Времени».

Иван Константинович часто рассказывал также, что с Гоголем он встречался впоследствии в Петербурге и Москве. Я слышал от И. К. о существовании небольшого рисунка, сделанного еще в начале 40-х годов, кажется, известным художником Пименовым, где изображены во весь рост, конечно в небольшом виде, все наши художники «русской колонии», бывшие в Риме в одно время с ним и Гоголем, как то: Ставасер, Рамазанов, Иванов, Логановский, Штернберг и др., а посреди них Гоголь, – но видеть этого рисунка мне не пришлось.

Известный скульптор Бернштам высек из мрамора бюст И. К. Айвазовского, почти относящийся к этой эпохе. Он находится в его картинной галерее в Феодосии, а другой – позднейшей работы академика Чижова – по желанию государя украшает один из главных верхних залов Музея Императора Александра III.

Глава V

Европейский триумф И. К. – король Фердинанд II и римский папа Григорий XVI у Айвазовского. Посланники де Монтебелло и гр. Гурьев. Итальянские поэты. «Лунная ночь» И. К. в стихах англичанина Тернера. Путешествие за границей. Буря по дороге из Англии. Нападение бандитов на коляску И. К. в Испании. Прогулка под выстрелами в революцию в Барселоне. Зима в Риме с Н. В. Гоголем.

С первых же шагов за границей И. К. ждал триумф, начавший его победное шествие по Европе. События 1841–1842 годов навсегда запечатлелись в его памяти. «В Риме и Неаполе все только и говорят о картинах Айвазовского», – писал Кукольник. И действительно, в Неаполе полюбили художника. По рассказам его и воспоминаниям современников, дом его целые дни наполнен был посетителями. Вельможи, поэты, ученые, художники и туристы наперерыв ласкали его, угощали и воспевали в стихах, признавая в нем невиданного еще ими гения.

Король неаполитанский Фердинанд II Карл изъявил желание, через нашего посланника Гурьева, увидеть русского художника и его чудесные картины. Вскоре после того король посетил студию художника, долго с ним разговаривал и купил у него картину, изображающую неаполитанский флот. Римский папа Григорий XVI пожелал также видеть художника и в знак своего благоволения пожаловал ему золотую медаль. Посланники французский, Дюк де Монтебелло, и наш, граф Гурьев, купили у Айвазовского картины и щедро за них заплатили. Коллекция редких картин Ватикана, по желанию его святейшества папы, обогатилась новой картиной его «Хаос», признанной всеми чудом искусства. До представления этой картины папе Григорию XVI картина была с глубочайшим вниманием осмотрена многими прелатами и кардиналами, которые целой комиссией явились в его студию, но были очарованы, при всем своем предубеждении к русскому художнику, новым его творческим полотном. Мрачное смешение стихий над «безводной и пустой землей» и над бездной озаряла на картине комета, которая при пристальном на нее взгляде являла в себе очертание божественного облика Саваофа, передавая слова книги Бытия: «Дух Божий носился над водой» (кн. Бытия, гл. I ст. 2).

По словам Айвазовского, английский пейзажист и поэт Тернер, проникнутый искренним восторгом, воспел тогда же другую картину Айвазовского, «Лунную ночь», в стихах. Несколько итальянских поэтов посвятили русскому художнику свои стихотворения. В честь его явилось в Неаполе множество импровизаций, в которых говорилось о чарующей и могущественной силе искусства, когда оно вдохновляет гения. Вскоре художник предпринял путешествие в Англию, Португалию и Испанию. По желанию французского правительства, в 1843 году он доставил свои картины «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу в Неаполе» и «Буря у берегов Абхазии» на выставку в Лувре.

Перед картинами Айвазовского толпились многие тысячи зрителей: он был единственным представителем русской живописи на выставке в Лувре. Французский институт художников присудил ему в награду золотую медаль. В Бискайской бухте, по дороге от берегов Англии до Испании, корабль, на котором ехал Айвазовский, выдержал жестокую бурю, капитан вынужден был пожертвовать мачтами, и корабль с великим трудом и повреждениями дымовой трубы и палубы достиг Лиссабона. В Париже тем временем распространились слухи о гибели корабля, и имя Айвазовского называли в числе жертв, будто бы погибших в волнах. Картины его, оставленные на комиссию у находчивого продавца картин Рюэлля, были проданы, благодаря этому обстоятельству, по баснословно дорогим ценам, и он сам со смехом рассказывал об этом по возвращении своем в Париж.

По дороге из Гренады в Малагу «на долгих» на коляску И. К. Айвазовского напали три вооруженных пистолетами и широкими ножами за поясом человека довольно мрачной наружности, которые, без церемонии взобравшись на козлы коляски его, отобрали у кучера его бывшие с ним деньги и расстались довольно мирно с художником, ласково раскланившись с ним. Оказалось, что это были местные бандиты, за известную сумму поборов с извозчиков беспрепятственно пропускавшие иногда путешественников.

Конечно, в ночное время, при полном безлюдье или если бы извозчик заупрямился, дело могло бы принять дурной оборот, и подвергавшийся опасности художник только каким-то чудом счастливо отделался от этой случайности.

После бури на море в Испании Ивану Константиновичу пришлось быть свидетелем политической бури, как раз в разгар сильнейшего волнения народных страстей. Прогулка с капитаном корабля по прибытии в Барселону под выстрелами дала возможность художнику срисовать в течение двух часов, проведенных на берегу осажденного города, вид моря со стоящим на якоре кораблем.

Над Барселоной, занятой королевскими войсками, взвивались бомбы, бросаемые в город стоявшими под его стенами инсургентами. Гул канонады явственно доносился до слуха путешественников, еще когда они сходили на лодку с корабля, чтобы поплыть к берегу, где их встретили инсургенты. По выяснении обстоятельств, т. е. что плывут они на коммерческом корабле и что они люди, ничего общего не имеющие ни с карлистами, ни с христиносами, начальник вооруженного отряда целой толпы инсургентов предложил И. К. стакан вина и для личной охраны дал им вооруженного проводника.

«Неаполитанский маяк». Художник И. К. Айвазовский. 1842 г.

Положение Барселоны поразило И. К. Айвазовского, как и его спутника: город был вместе с окрестностями в руках инсургентов; королевские войска занимали цитадель.

Отсюда художник отправился на Мальту и по возвращении с нее остался на всю зиму опять в Риме, где встречал Гоголя, который писал в ту пору свои «Мертвые души». В это время им написано было больше 50 картин. Возвращаясь из Франции через Нидерланды, Айвазовский был извещен об избрании его в члены Амстердамской академии за картины, приобретенные на выставке королем Нидерландским Вильгельмом II, супругом великой княгини Анны Павловны, по желанию которого он тогда же ему представлялся.

Пестрой вереницей, как в калейдоскопе, подобно волшебной сказке, проносились и запечатлевались в богатой художественной памяти И. К. Айвазовского все эти и другие впечатления пребывания его за границей, принесшего ему громадную пользу и блеск неувядаемой славы.

Глава VI

Из воспоминаний Айвазовского о Гоголе. Боткин²⁰ и Панаев²¹. Гоголь в Венеции и Петербурге. Глинка, Брюллов и Кукольник. Влечение к югу. Разговоры с Николаем I. И. К. Айвазовский и семья В. В. Самойлова²². Знакомство с Ф. М. Достоевским и А. Н. Майковым. Стихи Майкова, посвященные Айвазовскому. Последние портреты И. К. и просьба передать их А. Г. Достоевской и А. В. Гейне-Самойловой. В. Г. Авсеенко²³. В доме А. В. Гейне-Самойловой. Два путешествия И. К. с в. к. Константином Николаевичем и с императором Николаем. Предсмертные встречи с Н. В. Гоголем и В. А. Жуковским. Смерть Брюллова.

Сам И. К. в Петербурге еще недавно рассказал нам, как в Венеции он обрадован был встречей с В. П. Боткиным и И. И. Панаевым. С ними он познакомился и встречался и раньше, до отъезда в Италию, в Петербурге в кружках М. И. Глинки и Кукольника.

Посещая в Венеции своих старых знакомых земляков, Айвазовский и увидел у них Н. В. Гоголя, которого он потом всегда так типично описывал. «Кто это такой?» – тихо спросил Айвазовский у Панаева. «Это Гоголь!» – ответил вполголоса Панаев, но творец «Мертвых душ», услышав вопрос художника и подойдя к нему, крепко, с волнением стал пожимать ему руку. «Вы Айвазовский, и я не знал раньше вас, не встречал нигде, ах, как я жалею об этом!» – воскликнул Гоголь, крепко сжимая ему руку и ежась по обыкновению. «Знаете, Иван Константинович, – обратился Панаев к Айвазовскому, – ведь Гоголь ваш горячий поклонник. Он любит до смерти ваши картины, и когда ими любуемся, то буквально захлебывается от восторга». – «Не мудрено захлебнуться, когда в своих картинах он дает такую чудесную воду», – ответил наш Гоголь, дружески похлопывая по плечу ладонью сконфузившегося от таких красноречивых похвал Айвазовского.

В Петербурге, по приезде из-за границы после блестящего триумфа И. К. и помещения знаменитой картины его «Хаос» в римскую галерею Ватикана, за что папа Григорий XVI тогда же наградил художника золотой медалью, решено было отпраздновать получение этой медали пиршеством у Панаева и Боткина. Пир удался на славу. Присутствовавший тут же Гоголь, во время разгара пира, сказал, обращаясь с прочувствованным, полным блестящего юмора спичем к Айвазовскому: – «Исполать тебе, Ваня! Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял „Хаос“ в Ватикане!»

– И ведь что обидно, – закончил свою речь Гоголь, после того как Айвазовский бросился ему на шею от восторга: – подыми я в Ватикане хаос, мне бы в шею за это дали, писаке, а Ване Айвазовскому дали золотую медаль...

Дружба Айвазовского с Гоголем окрепла в этот приезд его в Петербург, и вскоре между ними завязалась переписка, которая, впрочем, недолго продолжалась вследствие болезни Гоголя. Вспоминая о возвращении из-за границы в нашу северную Пальмиру И. К. Айвазовского и о встречах его здесь с Гоголем у М. И. Глинки и Кукольника, мы не можем умолчать о кружке «братии», который в 1845 году почти распался. М. И. Глинка сам уехал вскорости концерттировать за границу. Кукольник занят был своим изданием «Художественной газеты» и новыми повестями, а К. П. Брюллов предался и всецело отдал себя своим бессмертным работам по украшению Исаакиевского собора. Перестали собираться их веселые приятельские кружки, смолкли остроумные беседы, полные оживления и воодушевления наших дру-

²⁰ Василий Петрович Боткин (1811–1869) – русский очеркист, литературный критик, переводчик.

²¹ Иван Иванович Панаев (1812–1862) – русский писатель и литературный критик, журналист.

²² Василий Васильевич Самойлов (1813–1887) – русский актер и художник.

²³ Василий Григорьевич Авсеенко (1842–1913) – беллетрист, критик и публицист; из дворян; служил чиновником особых поручений.

зей. И вот, с наступлением ранней весны того же года, Иван Константинович Айвазовский, по собственным его словам, почувствовал непреодолимое влечение ехать на юг, на родину, на берег любимого и прославленного им на вечное время Черного моря.

Южная природа родного края вызывала в нем это чувство и была неистощимым источником вдохновения для трудолюбивого художника. «Это чувство, или привычка, – говорил он, – было всегда моею второю натурою. Зиму я охотно проводил в Петербурге, работал, развлекался, деля досужее время с моими добрыми знакомыми, но чуть повеет весной – и на меня нападает тоска по родине: меня тянет в Крым, к моему любимому Черному морю. Это свойство моей души или, если хотите, требование организма, не раз вызывали милостивые замечания со стороны покойного государя Николая Павловича. „Ты изленишься, – сказал он мне однажды, – будешь сидеть там сложа руки“. На ответ мой, что пребывание на юге не ослабляет моего трудолюбия, император с улыбкой заметил: „Впрочем, живи, где хочешь, только пиши, пиши и не ленись. Ты по пословице: «Сколько волка ни корми, а он все в лес глядит»“». «Милость и благосклонное внимание ко мне императора были для меня велики и останутся навсегда незабвенны», – говорил Айвазовский, вспоминая царствование Николая I и свою молодость. Для ближайшего ознакомления с движениями военных кораблей государь предложил И. К. присутствовать вместе с ним на морских маневрах на Финском заливе.

Однажды император Николай Павлович заметил, что находит, что всплески от ядер на воде не совсем согласны с действительностью и надо исправить картину. И. К. позволил себе отозваться, что предпочитает вместо исправлений написать новую картину, и государь согласился с предложением художника, но министр двора кн. П. М. Волконский предупредил его, что вторую картину он обязан написать без всякого уже за нее вознаграждения.

«Даже без этого предварения я не упомянул бы и сам о вторичной плате, – говорил И. К., – но покойный император Николай Павлович, со свойственной ему истинно царской щедростью, приказал выдать мне и за вторую картину точно такое же вознаграждение, как и за первую». И прибавлял об обаятельной благосклонности и обхождении государя, с которыми он относился вообще ко всем художникам и артистам, в числе которых был как известно, и его друг, пользовавшийся благосклонностью царя, Василий Васильевич Самойлов, с семьей которого был всегда очень дружен И. К. Айвазовский. И даже за 2 недели до смерти, в день своего отъезда, он с умилением вспоминал об этих далеких днях дружбы и просил меня передать от него портрет с надписью (последний снимок его в фотографии Пазетти, снятый на Вербной неделе) дочери знаменитого артиста Александре Васильевне Гейне (рожденной Самойловой), которую, по собственным словам, он знал совсем маленькой, так как она почти росла на его глазах, и потом «некогда отплясывал на балах» с ней и всякий приезд в Петербург ее навещал в ее роскошных домах на Воскресенском проспекте и на Фонтанке.

Другой портрет с надписью он поручил передать мне Анне Григорьевне Достоевской, с покойным мужем которой он встречался на выставках картин в Петербурге и у Дм. В. Григоровича. Ф. М. Достоевский, по словам его, всегда восхищался «волнами Айвазовского», и портрет знаменитого художника висел на стене рабочего кабинета великого писателя земли русской. Певец чердака и подвала любил певца моря и считал себя поклонником его дарования, как и его общий с ним друг А. И. Майков.

Последний не раз воспевал его в своих чудных, прелестных стихах. Еще незадолго до смерти, т. е. в последние дни пребывания своего в нашей столице, Иван Константинович с большим увлечением декламировал нам прелестное стихотворение Майкова, одно из последних посвященных ему:

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него

Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты – в безбрежность этой дали
И здесь, вокруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном, —
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим!

Через 10 лет после этого стихотворения, в 1887 году, А. Н. Майков, вдохновленный новой картиной Айвазовского, написал посвященное ему стихотворение «Мертвая зыбь», которое начинается словами:

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумит.
Волны, как рать, уходящая с боя, не могут утихнуть
И в беспорядке бегут, обгоняя друг друга...

Известный романист В. Г. Авсеенко на страницах «Нового Времени» в прошлом году, в «Литературных воспоминаниях», всеми читаемых с интересом, описал между прочим дом дочери знаменитого артиста В. В. Самойлова, А. В. Гейне, и ее литературно-артистический салон, и это подробное описание незабвенного прошлого возбудило при чтении в душе моей целый рой воспоминаний. Так как знакомство мое и всей нашей семьи с домами Вас. Вас. Самойлова и А. Вас. Гейне тянется еще с начала 60-х годов и может вполне назваться одним из самых старинных в Петербурге, то я считаю не лишним пока, пользуясь любезным согласием А. В. Гейне-Самойловой, в гостиной которой был мною прочитан этот обширный фельетон, дополнить его интересные воспоминания названием нескольких пропущенных имен из числа более частых ее посетителей. Во первых, в гостиных и салонах ее в 70-х годах и позже часто можно было встретить нашего известного композитора Антона Григор. Рубинштейна, который пленял собиравшихся здесь гостей в минуты вдохновения своей бесподобной игрой и чуть ли не впервые в Петербурге исполнял здесь в один из своих утренних визитов к А. В. Гейне на ее рауте отрывки из «Демона».

Во вторых, из художников-литераторов и др. лиц, часто посещавших гостеприимный дом А. В. Гейне, не названы такие выдающиеся лица, не раз вносившие с собою волну оживления и тут же на глазах всего общества заставлявшие удивляться быстроте их творчества и богатству фантазии, как проф. К. Е. Маковский, И. К. Айвазовский, которого петербуржцы здесь нередко встречали во время его частых приездов в столицу, И. Е. Репин, А. О. Шарлеман, известный маринист профессор А. П. Боголюбов, Л. Ф. Лагорио, М. О. Микешин, Н. Н. Каразин, Ю. Ю. Клевер, В. И. Якобий, В. В. Самойлов, П. П. Гнедич, В. В. Комаров, Е. И. Ламанский с супругой, Л. К. Ламанской, художницей-писательницей, художник Александровский и некоторые др., имен которых я теперь не припомню.

«Портрет А. Н. Майкова». Художник В. Г. Перов. 1872 г.

Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) – русский поэт, член-корреспондент Петербургской АН (1853). Тайный советник (с 1888 года)

Но положительно нельзя назвать ни одного из больших или малых талантов среди художников, который не появлялся бы в салонах А. В. Гейне в 70–80-х годах. Этот, благодаря радушию самой хозяйки и ее дочерей, ее взглядам и особому воспитанию и просвещенности, вынесенной из дома талантливого отца, притягательный и объединяющий центр действительно много способствовал сближению между собою – художников, артистов, писателей, встречавших здесь редкий прием и уважение к таланту, далеко еще не везде укоренившееся

в обществе. А тогда – это был единственный дом, где, например, артистов, приглашенных как знакомых, не оскорбляли, как часто это делалось в других местах, вручением или присылкой им денежной платы или ценных подарков за их исполнение по просьбе общества какого-нибудь любимого номера, монолога или арии.

Среди посещавших этот «европейский» у нас салон литераторов назову особенно любимых тогда в нем Всеволода Крестовского, с большим успехом прочитавшего однажды в присутствии всего общества писателей и артистов отрывки тогда еще только набросанного им романа «Петербургские трущобы», что было сделано им только по дружбе с настаивавшей на этом А. В. Гейне. А. Н. Плещеев бывал с дочерью и читал здесь не раз свои сочувственные к бедному люду стихи, бывали здесь также и А. Н. Майков, В. Г. Авсеенко с семьей и другие беллетристы, писатели, преимущественно из «Русского Вестника».

Никогда не изгладятся из памяти посещавших гостеприимный салон г-жи Гейне ее литературно-музыкальные вечера и костюмированные балы с участием знаменитейших художников, писателей и артистов в разных шествиях и маскарадах, где, например, проф. Маковский фигурировал в костюме боярина, г-жа Маковская – в образе Мефистофеля, И. В. Тартаков – в костюме неаполитанского рыбака, и за ним ползли раки и рыбы; пугал всех В. В. Самойлов-сын в костюме смерти и т. д.

Очень памятен еще также описанный во всех газетах морской бал, устроенный в ее доме по инициативе контр-адмирала Скрыдлова, под его ближайшим руководством. Но главным устроителем и вдохновенным изобретателем всех красивых праздников был, несомненно, всегда вдохновенный и поэтически настроенный поклонник талантов и литераторов, почтенный друг В. В. Самойлова и постоянный посетитель его семьи – В. И. Аристов, который, как и И. К. Айвазовский, отличался необыкновенным оживлением и остроумием. Вместе со знаменитым художником и приветливой и просвещенной хозяйкой он положительно являлся в ту пору душой общества и невидимым звеном, связывающим в один непрерывный ряд изобретательных выдумок все, что роилось в его замыслах.

Почтенный В. Г. Авсеенко в обширном описании салона г-жи Гейне в своих «Литературных воспоминаниях» совсем позабыл описать это, и я кстати считаю нужным дополнить его рассказ в одном из августовских номеров «Нового Времени» (1900 года).

По рассказу Ивана Константиновича, вторичная морская поездка, особенно продолжительная, с апреля 1845 по июль 1846 года, по воле государя императора совершена была, как и десять лет назад, Айвазовским в сопровождении августейшего генерал-адмирала, в свите, сопровождавшей любимого царского сына великого князя Константина Николаевича при посещении им далекого юго-востока.

Иван Константинович имел честь, по желанию своего высокого покровителя, сопровождать великого князя в продолжение всего его плавания по берегам Европейской Турции, Малой Азии и по архипелагу. Кроме Константинополя, высокий путешественник посетил Хиос, Патмос, Самос, Мителене, Родос, Смирну, развалины древней Трои, Синоп и многие другие острова архипелага и местности Леванта и берегов Анатолии. Опять масса разнообразных впечатлений волною нахлынула на ошастливленного новою царскою милостью художника.

Местности, связывающие античный древний мир с колыбелью первых веков христианства, понравились И. К. не меньше побережья Адриатики и лазурных вод Неаполя. Скалы Афин он мысленно сравнивал со скалами Неаполя, Рим с другой колыбелью древних искусств, Византией, и расширял кругозор обширного запаса световых эффектов природы и водной стихии морей, набрасывая этюды и занимаясь без усталости живописью. Вскоре по возвращении, летом 1846 года, он написал пятнадцать новых картин с быстротою волшебства, свойственной его кисти. «Вид Константинополя при луне» и «Принцессы острова на Мраморном море» произвели сенсацию в публике. По мнению Н. В. Кукольника, писавшего

в «Иллюстрации» об этих картинах, Айвазовский явился в них для нас «в полной зрелости обширного своего таланта. Освещение дерзко, но исполнено удачно: зной разлит в картине так осязательно, что, кажется, ощущаешь его влияние. Очаровательное слияние красок и лунного света наполняет картины высшим эффектом». По воле государя картины эти вместе с «Афонской горой» и «Аю-Дагом ночью» посланы были на художественную выставку в Берлин, где имели шумный успех и заняли всю печать. Император германский Вильгельм и все его семейство отнеслись с большим сочувствием и участием к произведениям знаменитого русского художника, часть которых была приобретена императорским домом и осталась в Берлине.

В начале 1852 года И. К. Айвазовский был в Москве после сопутствия императору Николаю Павловичу в плавании в Севастополь и присутствия при морских маневрах конца 1851 года. Здесь художник встретил в последний раз Н. В. Гоголя. По рассказу Ивана Константиновича, встреча носила самый сердечный оттенок, и его поразила при этом страшная худоба, бледность и страдальческое выражение лица великого русского писателя.

Тогдашний Гоголь казался тенью того веселого, оживленного и милого собеседника, которого Айвазовский видел в Риме и во Флоренции двенадцать лет тому назад и вскоре после того встречал и оставил в Петербурге.

Мрачный, суровый мистицизм и религиозная пылкая восторженность, порой граничившая с помешательством, по его словам, резко изменили Гоголя и нравственно, и телесно. Во время этой встречи с ним Иван Константинович успел только немногими фразами обменяться с Гоголем, но от слов нашего бессмертного певца Малороссии и дореформенной России веяло мертвящей апатией, холодом кельи или могилы... В том же 1852 году И. К. довелось встретиться в последний раз и с В. А. Жуковским, так горячо и сочувственно относившимся к первым юношеским успехам Ивана Константиновича. В последний раз Жуковский крепко сжал его руку и долго провожал его своим пристальным, задумчивым, грустным взглядом, напутствуя его пожеланием дальнейших успехов на художественном поприще. Вскоре после своей встречи с художником, в этом же 1852 году, под гнетом того же мистицизма скончался В. А. Жуковский. Нечего и говорить, с какой скорбью отнесся И. К. Айвазовский к полученной вести о смерти поэта.

1852 год готовил для него еще один мрачный сюрприз.

Под конец года в Петербург пришла весть о кончине незабвенного друга и учителя И. К. — К. П. Брюллова, советам которого и помощи Айвазовский, по собственному его сознанию, весьма многим не раз был обязан, о чем он вспоминал даже во дни недавнего, свежего в нашей памяти еще юбилея Брюллова.

Глава VII

Император Николай I и прекрасная «гречанка» у Айвазовского. Айвазовский и Л. Н. Толстой. Подробности жизни Гоголя и Айвазовского в Риме. Чтение «Мертвых душ» и подарок Гоголя Айвазовскому.

Во время работы художника, по приезде из-за границы, над картиною для графини Бобринской (рожд. Самойловой) с ним был следующий случай. По желанию графини Иван Константинович задумал на берегу изображаемой им местности («Афонская гора и остров Архипелага») написать группу грека и гречанки, беспечно любующихся закатом солнца. Гречанку в небрежной позе, с роскошными, распущенными волосами, художник намеревался скопировать с находившейся тогда в Петербурге жены брюссельского адвоката Дютье, с которым он познакомился за границею. Красавица охотно согласилась посетить мастерскую Ивана Константиновича (он жил тогда возле Ордонанс-Гауза, в доме Яковлева) и позировала в восточном костюме, состоявшем из шелковой сорочки, опоясанной шарфом. Предложив посетительнице отличный завтрак с бутылкою шампанского, художник занялся списыванием фигуры с добровольной натурщицы, приказав слуге отказывать посетителям.

Углубленный в живопись, Айвазовский вдруг услышал в коридоре голос посетителя, перед которым отверзаются не только все двери дворцов и чертогов вельмож, но и самые царские врата храмов Божьих, – короче сказать, посетителем художника был государь Николай Павлович, третий раз удостоивший Айвазовского своим посещением. С палитрою в руках, в рабочей своей куртке, художник поспешил встретить своего августейшего гостя. Государь, обращаясь к Айвазовскому, упомянул о заказе морского вида для дворца; затем, быстро проходя в мастерскую, спросил: «Что пишешь нового?» Иван Константинович не успел ответить, как государь уже переступил порог мастерской. Г-жа Дютье, вскочив с места, краснея за свой костюм, сделала глубочайший реверанс путаясь в шарфе, упавшем с ее талии. Государь с любезной улыбкой поклонился растерявшейся француженке, шепнув Айвазовскому: «Очень недурна: кто такая?»

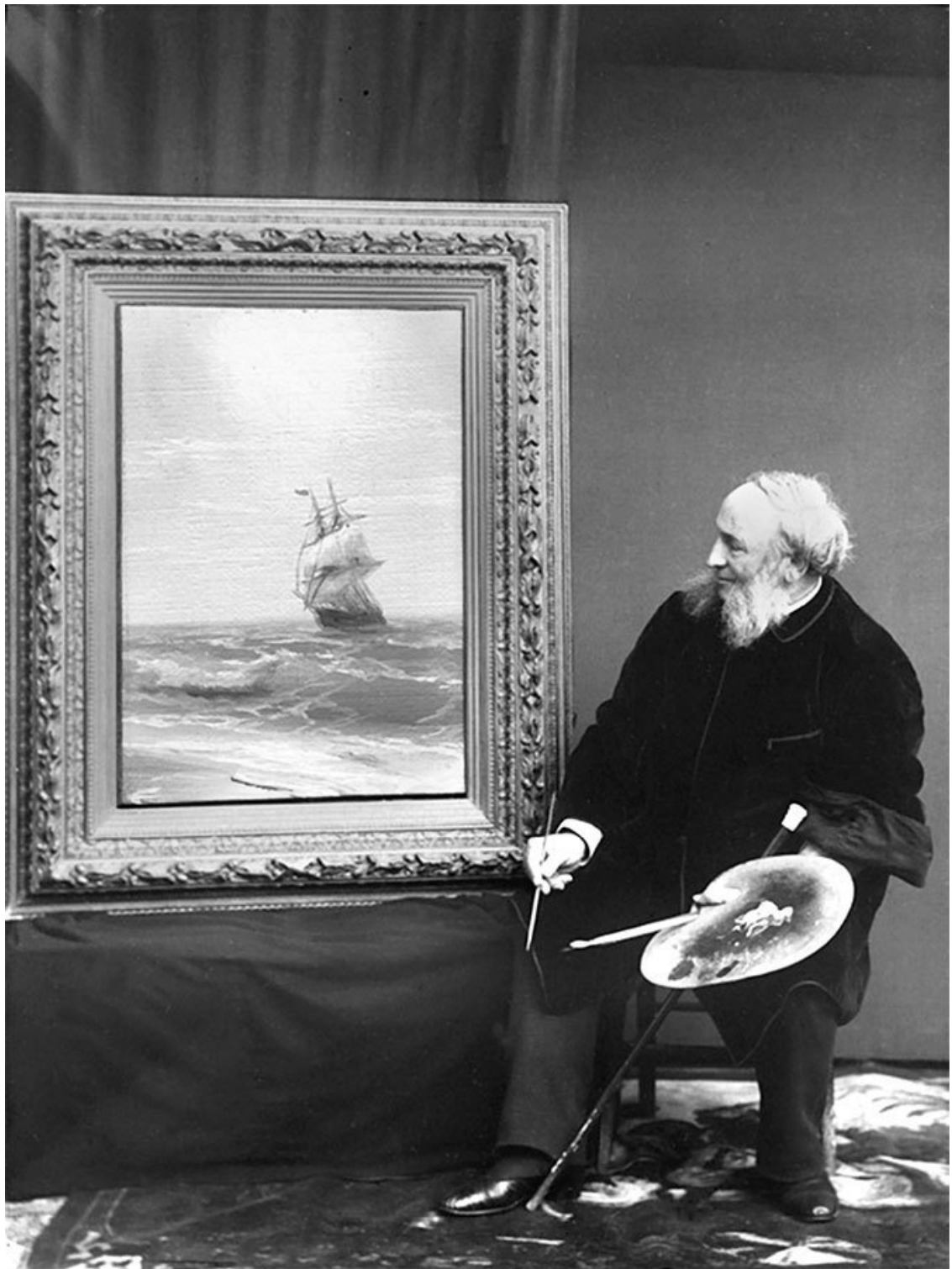
Назвав императору свою «гречанку», Айвазовский поспешил объяснить сюжет картины и для кого она пишется. «Этот костюм нужен был для картины», – пояснил он.

– Да, да... нужен, очень нужен! – сказал государь, улыбаясь, и, отходя к картине, опять произнес вполголоса: – Барыня очень недурна... для картины. А кому ты ее пишешь?

– Графине Бобринской, ваше величество.

– Так, так, хорошо. – Откланявшись француженке, государь вышел, смеясь, в другую комнату, опять напомнил художнику о заказе и, прощаясь с ним, сказал: – Смотри, моря-то мне не забывай!

Айвазовский считал себя всегда горячим поклонником Пушкина и Гоголя и восхищался, как художник, женскими типами и образами в произведениях Тургенева и Толстого. Из художников-беллетристов он предпочитал Л. Н. Толстого «за его стремление к правде и душевную чистоту», как он выражался. И. К. рассказывал нам еще так недавно, что с увлечением зачитывался «Войной и миром» и находил в романе много простой художественной правды и задушевности. И вот теперь ему стали приписывать полнейшее незнакомство с Толстым, его взглядами и названным романом, который ему, будто бы, «не было времени читать».

«Парусник в море». 1887 г. Пейзаж вмонтирован в фотопортрет И. К. Айвазовского.

«Для меня жить – значит работать».
(И. К. Айвазовский)

Айвазовский находил в разговорах всегда особенно привлекательной из женских образов в русской литературе именно героиню Наташу Ростову, и в этом отношении он вполне сходил с И. Е. Репиным, который также, по его словам, восхищался героиней романа Л. Н. Толстого. И. К. прочитал первые рассказы Л. Н. (из «Севастопольской обороны», по совету

императора Николая Павловича, обратившего внимание его на них и восхищенного ими в 1855 г. По рассказу его, за них, по приказанию императора, Толстой был переведен с 4-го бастиона в другое, менее опасное место). К этой эпохе относится и первая встреча И. К. Айвазовского с графом Л. Н. Толстым, юношеские речи которого произвели на него такое же впечатление горячей и дышащей вдохновением убедительности, как и позднейшие сочинения. Роман «Война и мир» появился в 60-х годах, и И. К., заинтересованный Толстым, прочел его раньше «Анны Карениной», напечатанной в 1877 году.

Нужно ли говорить, что Айвазовский читал все произведения Л. Н. Толстого при самом выходе их в свет?.. В Москве при встрече с Л. Н. Толстым, во время устройства своей выставки, он вел с ним горячие споры, не соглашаясь в некоторых взглядах его на жизнь, которые И. К. называл «парадоксами», отдавая в то же время должную дань Льву Николаевичу, как художнику и мировому гению, давшему яркие образы в литературе и создавшему свою эпоху и школу. У Гоголя он находил «полнейшую аналогию с Толстым в отрицании и разрушении современного строя». Он читал гоголевскую «Переписку с друзьями» и называл ее «бесповоротными похоронами всех политических идеалов, гениальным бредом горячего мыслителя-мистика, написанным чуть не под пушечные выстрелы Севастополя, в эпоху тяжелого и для него Севастопольского погрома».

«Меня рассмешило близорукое негодование „возмущенных“ бессердечием публики рецензентов, когда при первом представлении в театре новой драмы Льва Толстого „Власть тьмы“, с специально выписанными не только костюмами, но и калужскими бабами, не фальсифицированными, а настоящими, у вас, в Киеве, раздался загадочный, по мнению рецензента, взрыв смеха, – говорил И. К. Айвазовский. – Для них это загадочный смех, а для меня это – смех, делающий честь публике, если только она хотела выразить протест против мелодрамы, в которую впал Толстой. Что он хотел выразить в этой пьесе, наполненной всевозможными ужасами, но такими, которые вовсе не составляют характерных примет темного народа, а столь же свойственны и культурному обществу?

Эта пьеса не согласуется с народническим направлением Льва Николаевича, известным мне раньше. Если обобщить выводы „Власти тьмы“, то окажется, что мало-мальски развитой мужик уже негодяй, а добродетель свойственна только таким слабоумным, каким является пресловутый мужичок – Аким. Матрена и Никита еще чаще являются в скрытом виде среди нас самих. Пьянство, кулачество, суеверность – вот характерные и известные черты народного быта; их рельефно обрисовать и указать выход, основанный на чуткой совести и др. чертах, – вот задача драматурга. „Власть тьмы“ только осуждения заслуживает, как сценическая пьеса, но за что мы должны быть благодарны Толстому – это за доступ на сцену драмам из народного быта».

«Мы уже слишком привыкли отыскивать страдания лишь под покровом шелка, бархата и тому подобного», – говорил И. К. Вообще И. К. Айвазовский принадлежал к тому разряду художников, которые могут являться только в самом образованном обществе, где литературные вопросы занимают всех, образуя партии, возбуждая жаркую борьбу за принципы, где теория искусства до того переходит в жизнь, что заставляет столяра во время работы беспокоиться о нерешенном споре. Таким, по крайней мере, представлялся И. К. Айвазовский всем знавшим его и признававшим за ним начитанность.

Любимой прогулкой Айвазовского в Риме была прогулка на морском берегу или на Via Appia; он прерывал ее на время, чтобы пообедать во французском ресторане или трактире Falsone и затем до заката солнца снова гулять, любясь морем и набрасывая эскизы в свой альбом или осматривая древности, иногда вместе с Гоголем. По приезде в Рим почти каждое утро Иван Константинович заставлял Гоголя в кофейной del buon gusto, отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из большой чашки крепкого кофе и жирных сливок.

Затем Гоголь спешил домой писать свой роман, а Иван Константинович отправлялся к себе и весь уходил в свою работу, которая быстро спорилась в его умелых руках.

Но Гоголь писал медленно и, по словам И. К., только при отъезде его, когда они разъезжались в разные стороны, он прочел ему поэтические главы первого тома «Мертвых душ». «Но что это было за чтение, с каким чувством и полнотой выражения, с каким огнем вдохновения бессмертный творец читал мне свой роман, в то время как глаза его блистали неземным огнем, необычайно светились и проникали насквозь в душу, а на щеках пылал яркий румянец», – говорил Иван Константинович, вспоминая, что эти полные образных типов главы запечатлелись с тех пор и приобрели в его памяти особенный колорит. По словам И. К., Гоголь не выносил римского зноя и при наступлении жары бросал свои прежние привычки, запираясь надолго дома и жалуясь на свой организм и натуру. При этом в доме закрывались ставни от палящих лучей южного солнца и на письменном столе Гоголя появлялся полный графин чистой, прозрачной, холодной воды из каскада, который, в промежутках между работой, осушал он до дна, жалуясь на свой странный организм и говоря, что любимым напитком его была холодная вода.

В свободные вечера вместе с Айвазовским Гоголь перечитывал любимые места из Данте и стихов Пушкина. Гоголь, как истинный поэт и художник в душе, всем восхищался, и особенно картинами Айвазовского. Встретив вторично в Италии, в 1842 году, Гоголя в Риме, Айвазовский неизменно проводил свои вечера в «келии» у Гоголя, куда иногда приходили и другие художники: Штернберг, Моллер, друг Н. В. Гоголя известный художник Иванов и пр. Гоголя все любили и уважали. Он был душою всего этого небольшого кружка художников. Здесь много говорили об искусстве, толковали о художественных новостях Рима, и здесь развивался и креп талант И. К. Айвазовского. Тогда же были написаны А. А. Ивановым (в начале 1840-х годов) и два очень удачные и схожие портрета Гоголя масляными красками. Один из этих портретов Н. В. подарил Жуковскому, другой – Погодину. Кроме того, Иванов сделал для себя с него рисунок карандашом, который Гоголь, при вторичной встрече с ним во Флоренции, выпросил у него с тем, чтобы подарить Ивану Константиновичу.

Глава VIII

Из личных моих воспоминаний об Айвазовском. Последние годы. Память художника. Галереи исторических лиц. Болезнь художника в 1899 г. Любовь его к близким и к Феодосии. Заслуги перед «страною Айвазовского» и хлопоты у правительства. В студии художника. Известные ученики его: проф-ра А. П. Боголюбов, Л. Ф. Лагорио и академик Куинджи. Куинджи в имени Айвазовского. Самородки-художники. Татарчонок в Алуште.

В последние годы, несмотря на восемьдесят с лишком лет, Иван Константинович не чувствовал утомления, свойственного его возрасту, и любил говорить об этом. Он вставал зимой в 7.00–7.30 утра, а летом, бывало, и еще раньше, и очень скоро принимался за работу, за которой с жаром и увлечением проводил почти половину дня; только после обеда он отдыхал немного, чтобы вскоре снова взяться за кисть, без которой почти не мог жить. В частной жизни он отличался превосходной памятью, помнил ход всех событий и все лица, с которыми встречался когда-нибудь в жизни. У него была масса знакомых, которых он редко встречал, но, забывая их фамилии иногда, он спрашивал, где встречал их, и сейчас же вспоминал до мельчайших подробностей саму встречу, хотя бы она была даже в прошлые его приезды в Петербург. В разговорах своих он вспоминал также прошлое, и люди, жившие за полвека, за шестьдесят лет до нас, и ставшие для нас уже лишь именами, как мы видим, оживали в его рассказах, они двигались, вели жизненную борьбу, творили, выказывали сильные и слабые стороны своего характера, и эти великие люди – Пушкин, Гоголь, Кукольник, Глинка, Брюллов, Котляревский, Раевский, Ермолов, Лазарев, Нахимов, Корнилов, с целым рядом старых, отживших свой век героев и академических профессоров – в его рассказах казались нам такими близкими и понятными, точно они были тут, среди нас, в саду или в комнате. Рассказывал часто он и о современных государственных деятелях, стоящих так высоко и далеко от нас в своей сфере деятельности, и они тоже казались нам знакомыми, живыми фигурами, полными долга и благородства, при этом часто непонятыми светом. Дар слова, дар рассказа, способность оживлять и оживляться были замечательны у Айвазовского и доказывались вполне на его обедах: общее оживление и хохот царили на них. Таким живым и симпатичным Иван Константинович оставался до конца жизни в своих отношениях с людьми. Больной, почти умирающий в 1899 году – он старался развеселить своих близких какою-нибудь шуткою или юмористической фразой и в то же время не мог прожить дня без кисти. Но не в том только выказывалось его добродушие.

Все обыватели Феодосии, этой «страны Айвазовского», очень любили Айвазовского, который, по меткому выражению одного фельетониста, прямо царил здесь, как ветхозаветный правитель. Он любил водить приезжих гостей по набережной, базарной площади, по рынку и по улицам. Строил планы будущих улучшений, построек, увлекая в обсуждение этого предмета людей чуждых и обладая удивительной способностью заинтересовывать городом приезжих и случайных его посетителей. Феодосия – это создание Айвазовского, и нельзя не заметить, что не будь Айвазовского, не было бы теперь в Феодосии ни гимназий, ни портовых сооружений, ни железной дороги, ни водопровода, ни музея, ни памятника, а вместо современного оживленного города ютилась бы у старой генуэзской башни сонная слободка, заброшенные руины прежнего маленького и убогого городишки. В постоянных хлопотах у правительства он принимал близко к сердцу все мельчайшие нужды его и интересы.

Интересно отношение его и к «своим».

В своих авторитетных советах, в указаниях Айвазовский никогда никому из молодых художников не отказывал. Казалось, он весь горел желанием помочь им и своим примером показать, «как надо работать». В его мастерской находили радушный прием и молодые

художники, и многочисленные любители, приходившие к нему «учиться рисовать», и он, ко всем одинаково простой, добродушный и ласковый, готов был им служить. Двери его студии открыты были во всякое время.

Многочисленные художники осаждали его галерею и украшали своими произведениями витрины магазинов Феодосии, Ялты, Симферополя и других мест Крыма. Его ученики уносили от него необычайный прилив бодрости и стремления к тому, чтобы любить природу и относиться с уважением к искусству, старательно изучая законы природы. Талантливейшие из них развились под его непосредственным наблюдением, и благодаря его прекрасным советам, до него неизвестным художникам, скоро они стали так рисовать и писать холсты, как могла их научить только одна природа. У него наши пейзажисты учились воспринимать впечатления, видеть и слышать; в ней же они находили много чудесных сочетаний света, невидимых форм и ярких колоритных цветов. Проникновение природой и настроением, при их таланте и упорных трудах, дало им скоро уверенность и смелость рисунка при удачном выборе тем, скоро доставивших громкие имена большинству этих лиц, таких как профессор А. П. Боголюбов, профессор Л. Ф. Лагорио и академик Куинджи, явившихся у нас такими же, как и их учитель, истинными пейзажистами, поэтами природы.

Дом И. К. Айвазовского в Феодосии

«Талантом, точно так же, как и умом, поделиться нельзя, но можно делиться знанием и умением», – говорил Айвазовский, а мастерская Ивана Константиновича никогда не была недоступной как для молодых художников, так и для любителей живописи. Путем копирования его картин развили свои таланты и выработали живописную технику знаменитые теперь Л. Ф. Лагорио, Куинджи, М. Алисов и отчасти покойный А. П. Боголюбов и другие ученики. Лагорио ознакомился с картинами Ивана Константиновича в бытность его в Крыму, в 1839 году. Отец Лагорио, заметив в своем пятнадцатилетнем сыне страсть к живописи, про-

сил Айвазовского содействовать развитию одного дарования. Иван Константинович с полной готовностью ввел молодого Лагорио в свою мастерскую, где тот занялся копированием картин Айвазовского. Уезжая в Петербург в 1840 году для отбытия в чужие края, Иван Константинович взял с собой несколько рисунков Лагорио, представил их своему учителю, профессору Зауервейду, прося оказать юному художнику свое покровительство, и затем уехал в Италию. Через несколько месяцев г. Крамер, хороший знакомый Айвазовского, при содействии покойного герцога Максимилиана Лейхтенбергского, вызвав Лагорио в Петербург, определил его в Академию художеств пенсионером Кабинета Его Императорского Величества. В академии Л. Ф. Лагорио обнаружил талант самостоятельный и через пять-шесть лет пользовался уже значительною известностью.

Замечательно, что о даровании Куинджи сообщил Айвазовскому, как он нам рассказывал, мариупольский негодичант Аморетти, когда этому даровитому художнику было лет четырнадцать. Иван Константинович, уступая просьбам Аморетти, согласился взять Куинджи к себе в мастерскую, для наглядного ознакомления с основными правилами живописи. Живя в имении Айвазовского Шах-Мамай, Куинджи копировал его картины под руководством Фестлера, работавшего в студии Айвазовского. По просьбе Ивана Константиновича, Куинджи пробыл четыре месяца в его мастерской, уехал в Мариуполь, оттуда в Петербург, где и поступил в академию. Кроме упомянутых трех художников, картины Ивана Константиновича копировали еще много более или менее даровитых любителей живописи, но учеников, в полном смысле этого слова, у него не бывало. По отзывам художника ко мне в письмах, юг России и Крым изобилуют самородными талантами по всем отраслям искусства, школа живописи в Одессе могла бы служить богатым рассадником отечественных дарований; и если бы эта мысль Айвазовского осуществилась тридцать лет тому назад, то ныне радовались бы благотворным наследством подобного рода учреждений.

В последний приезд мой в Ялту мне самому довелось во время одной из моих верховых поездок в Алупку случайно зайти в одну татарскую саклю, где жил старик-сапожник с 12-летним внуком. Стены сакли были сплошь покрыты рисунками карандашом и простыми красками – преимущественно морскими видами и снимками с кораблей, а также довольно недурно срисованными видами деревни Алупки, парка и Львиной террасы дворца. Из разговора со стариком я узнал, что эти рисунки – работы его мальчика-внука. Мальчик оказался очень смышленным и талантливым татарчонком, и я обещал рассказать о нем Айвазовскому. Иван Константинович был так добр, что, увидя его рисунки карандашом (несколько из них сохранились у меня и теперь), обещал с полной готовностью помочь ему, если он окажется способным. Через некоторое время, приехав в Алупку, я зашел в саклю утолить жажду и застал в ней и мальчика, и деда его в восторге от присланного Айвазовским подарка: ящика с красками и целой стопки роскошной бумаги...

Глава IX

Встречи с И. К. Айвазовским. Посещение его в Вербное воскресенье 1800 г. Сеанс портретиста И. К. по приезде из Зимнего дворца. Рассказ Айвазовского о своих портретах. Кипренский и его портрет Пушкина. Портрет И. К., написанный им самим (1898 г.). Анекдот о турецких орденах и армянской резне. Ландыши. Женщины из Нью-Йорка с камелиями и успехи в Италии. 8000 р. на памятник герою Котляревскому. Запрестольный образ и постройка храма. Письмо к Булгакову. Встреча с Францем Листом. Несчастье с композитором.

Я часто видел Ивана Константиновича Айвазовского во время последнего приезда его в Петербург, встречая его на выставках и много раз навещая его, подолгу беседуя с ним о вопросах искусства и расспрашивая его о прошлой жизни, в блестящие воспоминания о которой, как все старики, он часто любил погружаться. Теперь эти встречи и посещения слились бы в моем воспоминании в одно, если бы не запись, которую я имею обыкновение вести обо всех встречах и более или менее знаменательных разговорах.

В одно из моих посещений знаменитого мариниста, как припоминаю, именно в последнее перед отъездом его на юг, в Вербное воскресенье прошлого года, я застал у него одного досужего портретиста, который чертил и набрасывал угольком в свой альбом незабвенные черты русского художника. «Сеанс» затянулся слишком надолго, и Иван Константинович выглядел очень утомленным; по крайней мере, я никогда раньше не видел его таким и поразился внутренней этой перемене. Накануне того дня я видел его еще бодрым, веселым и полным жизни и оживления и застал его только что возвратившимся из Зимнего дворца, за палитрой, с кистью в руках, заканчивающим чуть ли не десятую картину, как он говорил. Но в этот раз я не заметил обычного, присущего художнику и хорошо всем знакомого оживления; зато разговор принял интересный характер. Заглянув в альбом, я был поражен, увидя там какую-то нелепую безобразную кляксу, на которой И. К., покрытый морщинами, с преждевременно сомкнутыми веками, выглядел очень непоэтично. Портрет этот появился скоро на страницах одного из петербургских журналов и вызвал общее недоумение у лиц, знавших и встречавших в последний приезд в Петербург покойного художника. Как-то невольно разговор зашел по этому поводу о портретах, и И. К. Айвазовский стал нам рассказывать о своих портретах. Как всегда, во время последнего своего приезда в Петербург И. К. Айвазовский с веселым оживлением стал вспоминать о той редкой чести, которая выпала на его долю во Флоренции, где портрет его помещен в знаменитой галерее художеств, Палаццо Питти, рядом с Леонардо да Винчи и Микеланджело, величайшими мастерами западноевропейской живописи. Из русских художников в галерею попал только Кипренский, знаменитый портретист 20-х годов. «...Да, помнится, только один он, – сказал И. К. – Я даже был очень удивлен, не найдя там больше ни одного портрета наших художников, даже таких крупных, как покойный друг мой профессор Брюллов и Иванов. Оба хорошо известны в Италии и долго в ней жили. Что же касается Репина, то теперь, я думаю, его портрет поместили туда по заслугам, которые я бесспорно всегда признавал и признаю за этим сильным вождем и создателем целой школы художников, маленьких „Репиных“, изо всех сил старающихся теперь подражать ему». По этому поводу И. К. вспоминал недавно еще и о замечательном портрете А. С. Пушкина кисти Кипренского, который имеет целую историю и по сходству является одним из лучших портретов поэта, а по мнению художника, как современника Пушкина, «наиболее схожим с ним по своей духовной мощи и красоте». Вспомнив во время одной из наших встреч о громадном портрете И. К. Айвазовского, который пришлось видеть мне еще в 1898 году в доме художника, в Феодосии, на устроенной им в одном из залов своей квартиры выставке картин, написанных им в течение лета, – я спросил, где она находится

теперь, и узнал, что исполинский портрет перенесен им в одну из комнат, примыкающих к его замечательной галерее картин. Портрет этот, высотой без рамы в 7–8 аршин, поставлен был, как теперь помню, прямо против входа в зал и поражал тогда всех своей исполинской величиной и изумительным сходством. На нем маститый художник изображен был во весь рост в задумчивой позе, с лентой через плечо. Большинство из посетителей выставки, среди которых был один наш известный художник и симферопольский уездный предводитель дворянства г-н Княжевич, были прямо поражены сходством. И. К. Айвазовский написал этот портрет в 10 дней, и по сходству он не уступает портрету кисти Крамского. Сравнение это легко было сделать, перейдя в картинную галерею И. К., где находится над дверью портрет работы Крамского. Когда заговорили об этом портрете, И. К. мгновенно оживился, нервно засуетился, отыскивая в одной из папок привезенные из Петербурга большие фотографические снимки с этого редкого у нашего художника по красоте и удачному исполнению портрета, вызвавшего в свое время столько толков и разговоров в Крыму. Показывая его нам, он долго смеялся, что ему пришла фантазия, вследствие общих настояний знакомых, написать портрет на старости лет самому, смотря на себя в зеркало и изобразив себя во всех регалиях, званиях и лентах единственный раз в жизни.

Со свойственным ему юмором он рассказал по этому поводу забавный анекдот из своей жизни о том, как во время недавней резни турками беззащитных армян, он, пламенея ненавистью к ним, в порыве увлечения и сострадания к угнетаемым, отправился на берег Черного моря и бросил торжественно в воду ленту турецкого ордена и звезду Османскую, которые поплыли, возвращаясь обратно к греческому султану и пашам, или исчезли, быть может, на дне создавшего его славу моря.

Рассказывая о своих планах и замыслах, И. К. Айвазовский с увлечением заговаривал о предстоящей заграничной поездке, которая, по его мнению, должна была вдохнуть в него новые силы для служения искусству. Какой-то восторженный поклонник нашего знаменитого мариниста, пожелавший остаться неизвестным, прислал в Вербное воскресенье ему два ящика ландышей, распространивших нужный аромат по комнатам. Супруга И. К., «Анна Николаевна» (как называл ее иногда в последнее время знаменитый художник), пришла сообщить нам об этом и вскоре уехала на закрывавшуюся в этот день выставку картин петербургских художников в Академию наук, а мы остались вдвоем и перешли из кабинета в гостиную, где художник снова предался приятным воспоминаниям, отдавая себя вполне во власть пришедшего там, где чудная игра света переплетается с волшебными упорами славы.

И. К. пришло на память в этот разговор, при виде цветов, как во Флоренцию на выставку его картин прибыла депутация с адресом от женщины-художницы из Нью-Йорка. Несколько юных любительниц художеств, представительниц Нового Света, приехав во главе этой депутации, состоявшей из 15 девиц, обратили особенное внимание на картины его из итальянской природы, пленявшей всех приезжих в то время, и, узнав его адрес, просили написать для них какую-нибудь небольшую картинку ценою лир в 300–500. Художник с обычной добротою и скоростью исполнил их желание, но не взял с них денег, а попросил купить ему, после настойчивого отказа их принять произведение его бесплатно, на эти деньги какую-нибудь мозаиковую вещицу. Заказчицы с удовольствием согласились и, приехав за картиной, привезли ему разные красивые вещицы и мраморное пресыпанье с мозаичными украшениями. Это было в пятницу. В воскресенье, возвращаясь из церкви, Айвазовский услышал от привратника отеля, в котором жил, что его «ждут американки». В недоумении художник всходит на лестницу и видит, что по обеим сторонам стоят два строя американок с великолепными букетами камелий в руках. Старшая из них, встретив Ивана Константиновича на верхней площадке лестницы, поднесла ему лавровый венок и увенчала им художника, сказав очень милый, любезный «спич». Затем экзальтированные девицы, вручив Айвазовскому свои карточки, радушно приглашали его в Нью-Йорк, обещая ему торже-

ственную встречу и целые тучи венков и букетов, которыми они и их сограждане готовы засыпать весь путь художника.

«Портрет Анны Саркисовой». Художник И. К. Айвазовский. 1882 г.

Анна Мкртичевна Саркисова-Бурназян (1856–1944) – вторая жена Айвазовского, армянка. Айвазовский увидел Анну Никитичну на похоронах ее мужа, известного феодосийского купца, в 1882 году. Красота молодой вдовы поразила Ивана Константиновича. Спустя год они поженились

О картинах И. К. Айвазовского, выставленных опять в 1874 году во Флоренции, было напечатано множество статей в итальянских, французских и английских газетах. Тысячи посетителей теснились на выставке. Флорентийские дамы поднесли художнику также великолепный альбом со множеством подписей лиц, принадлежавших к высшему и ученому обществу Тосканы. То же самое повторилось и в Ницце, где он устроил выставку в пользу

тамошнего детского интерната. Из собранных им в Италии денег Айвазовский пожертвовал 8000 руб. на памятник герою Кавказа Котляревскому, которому Пушкин дал в свое время удачное прозвище «бич Кавказа», и внес щедрое приношение в построение на месте упраздненной турецкой крепости соборного храма во имя св. Александра Невского в своем родном городе. В построении этого православного храма он принимал большое участие, и украшением этим изящной архитектуры храмом Феодосия также обязана ему, так как он горячо хлопотал об этом, напоминая согражданам о необходимости осуществить мысль императора Александра I, выраженную им еще в 1818 г. Запрестольный образ «Хождение Спасителя по водам» – замечательное произведение кисти Айвазовского, его приношение нашему храму, о постройке которого он так заботился.

По просьбе редактора «Нового времени» Ф. И. Булгакова, пригласившего меня для составления нового роскошного издания об Айвазовском, на другое же утро я был опять у И. К. Айвазовского и просил художника через меня ответить Булгакову письмом о разрешении поместить в его издании снимки с картин И. К., на что он согласился, написал и вручил мне это письмо.

Разговор происходил в присутствии одного художника К., и И. К. сообщил мне о своей встрече с Листом, происшедшей во время последнего пребывания его в Италии в семидесятых годах. Лист приехал во Флоренцию из Рима на несколько дней, чтобы отдохнуть от всех художников и скульпторов, бывших тогда в Риме, для которых он служил в ту пору общей моделью. Знаменитый композитор находил, что всевозможные дилетанты только уродовали его красивую характерную голову и очень доволен был встречей своей с маринистом, в котором он ценил друга Глинки и Россини и знатока музыки.

Однажды с ним чуть не случилось несчастье. Один польский скульптор, Сакс, убедил его, чтобы композитор позволил снять с себя гипсовую маску. Скульптор неумело залил ему лицо тяжелым гипсом, вдавившим ему щеки, оставив для дыхания только одну ноздрю. Лист едва не задохнулся. Результатом этого мучительного опыта была маска, напоминавшая какое-то исчадие дантовского «Ада».

После этого Лист уже никогда более не позволял снимать слепков со своего лица. Тем более что существовали слепки его рук с длинными, красивыми пальцами. Почти у каждой занимающейся музыкой дамы слепки этих рук лежали на столе, окруженные лавровым венком.

Глава X

Праздник в честь И. К. Знаменитые герои П. С. Котляревский²⁴ и А. П. Ермолов²⁵ и воспоминания о них. Приезд императора к Айвазовскому. «Девятый вал». Ермолов у Айвазовских. Подарки и переписка с художником. Встреча Ермолова с Чернышевым. Письмо Ермолова к Айвазовскому. Романтическое приключение с графиней Потоцкой.

Знаменитый кавказский герой Петр Степанович Котляревский, не раз принимавший у себя И. К. Айвазовского, устроил в честь возвращения его на родину в 1810 г. на своей живописной даче 21 мая, как рассказывал нам маститый художник, роскошный праздник, на который съехались в Феодосию гости из Севастополя, Симферополя к другим городам России. В числе гостей были и герои черноморского флота П. С. Нахимов и В. А. Корнилов, а также А. И. Казначеев и другие, было немало и дам. Все гости посетили открытую в этот день выставку картин И. К. Айвазовского. На праздник стали собираться в шестом часу вечера, на пригородную дачу храброго героя Кавказа Котляревского. В 6 часов начались конные скачки. Потом «джигитовка» – особого рода ристание, на котором соперники на лошадях, на всем скаку, должны отнимать друг у друга платки; дамы раздавали призы. В 9 часов начался бал; танцы были прерваны на время фейерверком, потом ужином на 300 персон. Из Севастополя, по воспоминаниям И. К., вместе с линейным кораблем «Двенадцать Апостолов», командиром которого был В. А. Корнилов, прибыло тогда еще до пяти воевавших судов. Музыка гремела на них неумолкаемо, реи и снасти были унижены разноцветными огнями и фонарями, переливаясь яркими красками на гладкой поверхности моря. «И через девять лет корабли, сослужив свою вековую, славную службу, погрузились во влажную могилу корабельной бухты, – говорит И. К. – Из моряков – Корнилов, Нахимов, сотни офицеров и тысячи матросов легли костями на окровавленных развалинах и бастионах Севастополя».

В 1847 году Айвазовский был удостоен звания профессора, с чем приехал его поздравить сам император Николай I, в третий раз посещавший художника во время пребывания его в Петербурге. Айвазовский жил тогда подле Ордонанс-Гауза, в доме Яковлевой. С палитрой в руках, в рабочей своей куртке, счастливый художник поспешил встретить августейшего своего гостя, который стал расспрашивать его о новых картинах и заказал морской вид для дворца в Царском Селе. В этот приезд императора художник был занят «Девятым валом», который в начале 1848 года появился на выставке в Москве и в числе других шести больших картин был куплен императором для Эрмитажа. На время выставки художник приехал в Москву, куда привез десяток своих картин.

Герой, также воспетый Пушкиным, Ермолов, грозный вождь и покоритель Кавказа, мечу которого подвластны были «Кавказа гордые сыны», перед которым Пушкин приглашал «поникнуть снежною главою, смириться» вершины гор Кавказа, – удостоил в Москве своим приглашением И. К. Айвазовского и сам посетил вскоре его. Незабвенный маститый старец-герой вышел навстречу Ивану Константиновичу, своей осанкой, голосом и манерой обхождения очаровав знаменитого художника. Во время первого посещения его Айвазовским, беседуя с ним о крымских делах, о его успехах и славе нашего оружия, по словам И. К., он выразил желание видеть, как нашел свои холсты маститый наш художник. И. К. Айвазовский просил его пожаловать к нему для этого в ближайший день, к десяти часам утра. Ермолов приехал к дому, в котором жил Айвазовский, минутами двадцатью ранее, и до назначенного часа пробыл в соседнем книжном магазине. С последним ударом десяти часов,

²⁴ Петр Степанович Котляревский (1782–1851) – генерал от инфантерии, покоритель территории современного Азербайджана.

²⁵ Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – русский военачальник и государственный деятель.

аккуратный и вежливый Алексей Петрович входил в мастерскую Айвазовского. Тогда Иван Константинович взял небольшую раму с полотном и в течение двух часов, на глазах своего знаменитого гостя, изобразил вид знакомых ему кавказских вершин и скал у берегов Черного моря, с группами черкесов, смотрящих на разбитое о прибрежные камни судно. Сюжет картины, быстро возникавшей под кистью Айвазовского, пробудил в сердце не сводившего с нее глаз престарелого «льва» воспоминания о былом, о славном прошлом, и предметом его разговора с художником был, разумеется, Кавказ. Не успел художник еще окончить свою картину, как в передней раздался звонок, а через несколько минут в залу вошел старик с длинной бородою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.